

ГАЛИНА РОМАНОВА

ПОДВЕНЕЧНЫЙ САВАН

Галина Романова

Подвечный саван

«ЭКСМО»

2015

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Романова Г. В.

Подвенечный саван / Г. В. Романова — «Эксмо», 2015

Отец, получивший десять лет назад пожизненный срок, бежал. Володю это потрясло. Дома повисло гнетущее молчание после истерики матери и сестры. Единственной радостью была Маша. А через несколько дней пришло известие, что отец убит при задержании. Постепенно жизнь входила в привычное русло. Володя снова стал улыбаться, снова беззаботно любить Машу. Но однажды он получил записку. «Сделай ей предложение», – было написано рукой отца. Что за бред? Его кто-то разыгрывает? Тот, кто хорошо знал отца, его почерк? Зачем? Как бы то ни было, Володя сделал Маше предложение. Не потому, что так велел мертвец, а потому, что любил ее, был по-настоящему с ней счастлив. Хотя толком они не успели узнать друг друга. И Володя ей еще не признался, чей он сын... Но ему и в голову не могло прийти, что Маша знает, из какой он семьи. А вскоре Володя получил новое послание... Сложно было представить, что авантюрная идея изложить на бумаге придуманную криминальную историю внезапно перерастет во что-то серьезное и станет смыслом жизни. Именно с этого начался творческий путь российской писательницы Галины Романовой. И сейчас она по праву считается подлинным знатоком чувств и отношений. В детективных мелодрамах Галины Романовой переплетаются пламенная любовь и жестокое преступление. Всё, как в жизни! Нежные чувства проверяются настоящими испытаниями, где награда — сама жизнь. Каждая история по-своему уникальна и не кажется вымыслом! И все они объединены общей темой: настоящая любовь всегда побеждает, а за преступлением непременно следует наказание. Суммарный тираж книг Галины Романовой превысил 3 миллиона экземпляров!

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Романова Г. В., 2015

© Эксмо, 2015

Содержание

Глава 1	7
Глава 2	19
Глава 3	27
Глава 4	32
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Галина Романова

Подвенечный саван

© Романова Г. В., 2015

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2015

* * *

Глава 1

Город заливало солнечным светом – ярким, оранжевым. В нем тонули улицы, люди, автобусы, скверы. Сорванные легким ветром последние листья медленно плыли по воздуху. А звуки, проникающие сквозь его окно, казались вязкими, маслянистыми. Их даже можно было пощупать – шелковистый девичий смех, острый и колючий, как клубок шерсти, собачий лай, шуршащий бумажный шелест метлы по брусчатке.

Ничего, с неожиданным раздражением подумал он, поворачиваясь к яркому воскресному городу спиной, уже завтра похолодает. Уже завтра все станет серым и невзрачным. Тогда не до смеха будет.

Не до смеха теперь было ему – здоровому, симпатичному мужику тридцати пяти лет, оставшемуся без работы и не знающему, куда применить свои силы, знания, ум. И что обиднее всего, без работы он остался по собственному желанию. Не по семейным обстоятельствам, не в связи с переменной места жительства, не потому, что не сработался и оказался не понят. Нет! Просто по собственному желанию!

– Ты идиот, Лавров, – подвела черту неделю назад под его объяснением соседка Маша Астахова. – Ты же ничего не умеешь больше! Ничего!

– Почему? – удивился он и даже обиделся.

– А что ты умеешь, Саша? Ремонт делать? Нет! С паяльником сидеть? Нет! Компьютерные программы придумывать? Снова нет! Ты же ничего не умеешь! А знаешь почему?

– Почему?

Он продолжил на нее обижаться, хотя в глубине души понимал, что она права. Ничего из перечисленного он не умел. И даже никогда не пробовал ни с ремонтом возиться, ни с паяльником.

– Потому что ты, Саша, – мент! Мент с большой буквы! Ты таким родился, Саша. И когда родился, вся природа замерла!

И Машка заржала своим странным блеющим смехом, как овечка, накручивая кончик своей косы себе на кулачок.

– Может, и мент. И что? – забубнил Лавров. – Я многим людям помог.

– И продолжал бы помогать дальше, Лавров! Чего уволился-то?

– Не знаю. Наваяло, – пожал он тогда – неделю назад – широченными плечами. – Взял и уволился. Достало все.

– Я же говорю, идиот, – удовлетворенно улыбнулась она, покивав прехорошенькой головкой. – Теперь-то куда, Саша?..

А вот теперь куда, он и не знал. Он ничего не умел! Ничего! Умел ловить бандитов, распутывать сложные преступные комбинации, умел в ворохе ненужной информации выбрать то, что необходимо. И все! Никакими прикладными искусствами не владел. Как плотник или столяр был бесполезен. И вообще все, хватит! Завтра вот похолодает, снег пойдет, тогда узнают они все...

Три глухих удара в дверь – так ломилась только Машка – его вдруг обрадовали.

– Чего тебе? – с наигранной ворчливостью встретил он ее на пороге. – Соль или спички закончились? Сколько раз говорил: купи зажигалку.

Машка стояла на его пороге, как Афродита, только что вынырнувшая из морской пучины. С длинными – до попы – распущенными волосищами, заспанной мордахой и почти в чем мать родила. Малюсенькие какие-то трусишки, именуемые ею спортивными шортами. Рубашонка до пупка такая тонюсенькая, прозрачная, что на ней словно и не было ничего.

– Маш, ты когда одежду уже начнешь носить? – произнес Лавров со вздохом, чуть отступая в сторону, чтобы пропустить соседку.

– Я в одежде, – буркнула она недовольно и, виляя едва прикрытой попкой, сразу пошла в кухню.

– Я мужик все же, Машка. Не стыдно тебе так вот передо мной появляться? – ворчал Лавров, следуя за ней по пятам.

– Ты, Саша, не мужик, – изрекла она со смешком, сразу принявшись открывать крышки кастрюлек, стоящих на плите.

– А кто же, простите? – Он снова подумал, что готов обидеться.

– Ты, Саша, мент. И мой сосед уже сто лет. А это почти что брат. И поэтому я не могу тебя стесняться. Ты же вот тоже передо мной стоишь в трусах – и ничего.

Упрек был принят. Лавров сходил в комнату, натянул широкие джинсовые шорты, в которые двое таких, как он, влезли бы запросто, вернулся в кухню. Машка уже наложила себе каши, которую он приготовил на завтрак себе, между прочим. Села на его любимое место в уголке, из-за чего он постоянно злился. И теперь облизывала ложку, которой накладывала кашу, и смотрела на него как-то странно.

– Чего? – Он сел напротив, на самое свое нелюбимое место – спиной к двери, он не терпел так сидеть за столом. – Ну! Говори!

– Только не ори, ладно? – Машка опустила синие глазки вниз, уставилась на тарелку каши.

– Только не это, Маш!

Он не заорал, он взвизгнул так, что она поморщилась. Она что – эта дурища с косицей, снова собралась замуж?! В третий раз?! В неполные тридцать лет снова замуж?! В третий раз?!

– Не ори, – буркнула она.

И тут же забила себе рот тремя ложками каши, щеки раздулись, она начала медленно жевать. Это, надо полагать, для того, чтобы не отвечать на его немой вопрос.

Значит, правда!

– Маша, Маша, опомнись! Тебе еще и тридцатника нет, Маша! – принялся тут же Лавров ее увещевать, поняв по ее забитому кашей молчанию, что да – она собралась в очередной раз замуж. И ничего уже с этим поделать нельзя. – Чего ты так летишь-то туда?

– Пока берут, – пробубнила она сквозь кашу, пожав плечами.

– Кто берет-то?! Кто?! Урод на уроде! И где ты их только откапываешь?!

Она со вздохом подняла на него голубые глаза, покачала головой. Что означало: ты не поверишь! И Лавров понял – на работе. Она снова познакомилась с очередным своим претендентом на ее изящную ручку и беспечное сердце на работе.

– Дура! – проворчал Лавров.

Вылез из-за стола, налил себе кофе из большого медного кофейника, доставшегося ему в наследство от двоюродной бабки, прожившей почти всю свою жизнь в Турции.

Раритетную посудину он обожал. Кофе в нем получался отменным. Долго не остывал и аромат хранил часами. Чашку налил большую, чайную, всыпал туда две ложки сахара. Размешал, шумно хлебнул. Зажмурился. Вкусно, крепко, горячо.

– Мне налей, – скомандовала Машка, кашу она доедала.

Лавров послушно налил ей в точно такую же чашку, всыпал две ложки сахара, размешал. Машка, как и он, любила крепко, сладко, горячо.

– На, – с грохотом поставил перед ней чашку. – И рассказывай. Кто на этот раз? Что за принц? С долгами по кредиту? Или с невыплаченной ипотекой?

– Ну че ты опять? Саш, ну че ты? Разве в меня нормальный мужик не может, что ли, влюбиться? – Машка надула губы, спрятав обиженную мордашку за чашкой.

– Может, – согласился Лавров, подходя к окну и с возросшим раздражением рассматривая плавающий в оранжевом свете город – красивый, нарядный и беспечный. – Только он не успевает!

– Чего-чего? – Она наморщила лоб.

– Не успевает нормальный мужик пробиться к тебе сквозь строй мерзавцев! Ты ведь едва развод оформишь, и тут как тут – очередная тварь! Когда нормальному мужику тебя рассмотреть-то?! В очереди отстоять? – И закончил с печальным вздохом: – Говорю же, дура!

Завтрак закончился в полном молчании. Лавров, выпив кофе, наложил себе все же каши. Машка дождалась, пока он доест, собрала посуду со стола, все перемыла. Снова села в уголок. Уставилась на него ручным зверьком.

Он сразу понял, в чем дело.

– Даже и не думай, Маша, – и Лавров, смастерив гигантский кукиш, помотал им у нее перед носом.

– Почему? – Ее губы набухли, ресницы затрепетали – Машка готовилась зареветь.

– Потому что теперь у меня нет работы! Потому что у меня теперь нет удостоверения!

И...

– Но связи-то остались, Саша, – затянула она плаксивым противным голосом, который он терпеть не мог. – Ты же можешь узнать в паспортном столе, кто он и что он. И вообще... Узнать по своим каналам, что это за человек? Откуда он вообще?

– О господи!

Если бы были у Лаврова волосы, он бы теперь принялся их дергать. Но череп его был гладко выбрит, поэтому все, что ему оставалось, это хлопать ладонями себе по голове.

Если Машка пытается что-то узнать о своем избраннике, значит, в чем-то не уверена. Значит, вообще ни черта о нем не знает. И сомневается в его легенде. И это, между прочим, впервые! Первые два замужества такой проверки не подвергались. Вернее, проверка была, но уже задним числом. Когда первый хмырь на нее пытался свой кредит переоформить. А второй...

Лавров чуть не удавил урода, узнав, что он Машку ударил головой о стену, уговаривая подделать банковские документы, чтобы избавить себя от необходимости платить по ипотеке.

Теперь-то что?! Вернее, кто?! Почему она так озабочена? Впервые озабочена!

– И кто на сей раз, Маша?

– Коллега, – призналась она со вздохом.

– О! Уже неплохо. – Лавров чуть расслабился. – Коллега чем занимается?

– Он в кредитном отделе менеджер. – Ее локоток встал на стол, мордаха опустилась на кулачок, румяная щечка сморщилась. – Хороший парень. Двадцать девять лет, как и мне. Местный. Зовут Володя...

– А фамилия у твоего Володи имеется?

– Имеется, – с неуверенным вздохом произнесла Маша. И тут же неожиданно предупредила: – Только она тебе не понравится.

– Говори!

– Филиченков...

Оранжевый свет воскресного утра мгновенно раскалился за окном. Он плеснул огненными брызгами через стекло в лицо Лаврову. Он опалил брови, он выжег ему глаза, высушил горло. Саша перестал дышать на какое-то время.

– Как-как его фамилия? – переспросил он в надежде, что ослышался, что эта глупая деваха решила его разыграть, помотать нервы воскресным оранжевым утром. – Филиченков?!

– Да, – тихо, почти шепотом подтвердила Машка. И глянула на него с несмелым вызовом. – И чё такого-то, Саш? Подумаешь! Это однофамилец! Скорее всего, однофамилец!

– Да-да, конечно.

Он подергал плечами, медленно полез из-за стола, встал одним боком к окну, вторым к двери, вытянул руку в сторону выхода, как регулировщик, и проговорил:

– Если ты решила, а ты решила... Тебе здесь больше делать нечего. Уходи.

– Как уходить, Саш?

Он промолчал, продолжая регулировать движение в своей кухне. Машка прошлепала босыми ступнями мимо него к кухонной двери с опущенной головой, поникшей спиной. Шмыгнула носом, поравнявшись. И еще раз спросила:

– Как уходить, Саш?

– Навсегда уходи, Маш. Навсегда...

Он не смотрел на нее, не потому, что не хотел, а потому, что не увидел бы. Он видел сейчас кое-что другое.

Утро было тогда...

Да обычным было то утро. Ранним, правда, очень ранним и туманным сильно. Было зябко, сыро. Туман пропитал одежду, лип к лицу, елозил за воротником. Хотелось сжаться в комок в каком-нибудь теплом углу, а не идти, крадучись, к заброшенным ангарам. Они были уверены, что там никого нет. Были уверены, что анонимный звонок – это лажа. Поехали проверить. Просто проверить. Конец дежурства, поехали? А поехали, все время быстрее пройдет. Они расслабились с Виталькой Сухаревым – другом и напарником.

Конец дежурства, в сон клонило, тут еще туман, прохладно. Поэтому и попали в переплет, в перестрелку. Виталика прошило очередью сразу. Он странно дернулся, глянул в его сторону затухающими глазами и упал лицом вниз. А он...

Он потом орал и стрелял. Орал, матерился что есть мочи и стрелял. Куда-то в пустоту, в темноту, откуда в него тоже стреляли. Соображал плохо. Казалось, что его окружила целая банда. Что палят отовсюду. Пули со свистом летели над головой, шелкали о стены, выбивая фонтаны штукатурки. Все ревело и грохотало вокруг. А когда предутренние сумерки отступили, когда туман съезжился и растворился в лучах вывалившегося из-за бугра солнца, оказалось, что он давно не один. Прибыло подкрепление. Кто-то вызвал, услышав стрельбу со стороны заброшенных ангаров. Может, все тот же аноним, сообщивший, что в ангарах нынче под утро должна пройти серьезная сделка торговцев оружием? Может, и он. Но подкрепление прибыло вовремя, у него совсем не осталось патронов. Хоть камнями начинай кидаться. Хорошо, что «левый» ствол был при нем и два магазина запасных, и Виталик обоями запасся, а так бы...

Бандитов забрали почти всех. Кого-то подстрелили. Руководил сделкой некто Филиченков Игнат Владимирович. Он же и убил Виталика. И подельники показали на него. И сам он потом сознался. По совокупности преступлений дали ему пожизненное. У него будто бы осталась семья. Лавров не вникал. Он страдал от потери друга очень долго. Еще дольше ругал себя, что не проконтролировал, что позволил расслабиться себе и Виталику.

У Витальки осталось двое детей – близнецы Генка и Сережка, и бывшая жена – непутевая Маринка, блудная и неработающая. Виталик бросил ее, но не бросил детей. Помогал им, возился с ними. И вдруг пацаны остались совсем одни. Отца не стало, матери, по сути, и не было.

Ох как страдал в те дни Лавров. Ох как было ему больно! Ох как он клялся тогда, что если вдруг когда-нибудь судьба сведет его с кем-нибудь из Филиченковых, то он...

А что, собственно, он?! Он вот стоит и смотрит в несчастную Машкину спину с заострившимися лопатками. И позволяет ей уйти и самой разбираться с этим Володей Филиченковым! А она разберется точно! Она так разберется, что мама не горюй!

Одного друга потерял из-за этой фамилии, теперь что, и ее еще потерять?

– Стоять! – скомандовал ей Лавров, скрипнув зубами.

Машка послушно остановилась на выходе.

– Вернулась и села!

Маша вернулась и замерла в уголке на стульчике. Вымахала дылда под метр восемьдесят, тридцатник скоро, дважды замуж сходила, а дите дитем. Что с ней делать?!

- Рассказывай, – приказал Лавров и тут же потрогал бок медного кофейника. Кофейник был горячим. Он налил себе в кружку. Сыпанул сахарку, помешал.
- В общем, так...

Она положила ладошки на стол, погладила, будто скатерть пыталась расправить. Только там ее отродясь не бывало. Даже в праздники. Аскетичными они у него всегда выходили, праздники эти чертовы. Не до них все было, работу он свою работал!

- Он появился в нашем банке месяца три назад.
- Сколько-сколько?! – Лавров обхватил голову руками. – Машка! Ну, Машка же!
- Саш, не начинай, – промямлила она, робко глянула на кружку в его руке. – Дай хлебнуть.

Он сунул ей кружку, Машка шумно глотнула раз, другой. Покосилась на него, вернула кружку.

- Я понимаю, что для замужества знакомство в три месяца, это ничто, но...

Машка повела плечиками. Это ее движение было хорошо знакомо Лаврову. Чем черт не шутит, так? Или можно и год встречаться, а человека не узнаешь, так? Или еще вариант был: подумаешь, три месяца! Любовь, она нечаянно нагрянет...

Так вот всегда поводила Машка плечиками, когда тупила и высказывала замуж. И за это Лаврову хотелось ее посадить под замок. В какую-нибудь темную-претемную темницу с ворохом шерсти, которую бы она пряла, не переставая, и думала, думала, думала, почему же она такая дура?

– Но, Саша, твои родители в поезде познакомились, когда из Владивостока в Москву ехали! И на вокзале в Москве сразу взяли такси и в загс поехали заявление подавать.

И угораздило же его – придурка – рассказать ей об этой семейной легенде! Он сам-то в нее верил с трудом, все время виделся ему в истории этой какой-то подвох, а Машке понравилось сразу. Еще бы!

- А тут целых три месяца, Саш! – продолжила развивать тему Маша.
- Действительно! Это же целых девяносто дней! – фыркнул он со злостью. Помыл кружку, прошелся по кухне. Сел на нелюбимое место. – И? Чего топчешься? Говори, что смутило тебя впервые в жизни? Он позвал тебя замуж, я правильно понял?
- Да. Вчера позвал.

Ее длинные ресницы вспорхнули, выпустив наружу огонек невероятного счастья, но, наткнувшись на угрюмый взгляд Лаврова, счастье тут же устыдилось и улизнуло.

- Сделал мне предложение, – поправилась Маша и зачем-то добавила: – Володя...
- А с чего вдруг? Вы встречались? Все эти девяносто дней вы встречались?
- И да и нет, – нехотя призналась соседка.
- Как это?! – вытаращился Лавров.
- Как-то так выходило, что нас никогда с ним не оставляли наедине. То одна девочка, то другая с нами увяжется.

- Куда вязалась девочка? – поднял темные брови Лавров.
- Ну... То в кафе, то в кино, то в клуб.
- Каждый раз девочки были разные?
- Ну да, почти.
- А ты не менялась? В том смысле, что...
- Да поняла я. – Машка поморщилась. – Да, правильно. Он, я и кто-нибудь еще.
- Кто инициировал этих «кто-нибудь еще»?
- Они сами. Навязывались. И вот вчера...

Машкины щеки густо покраснели. Голова опустилась настолько низко, насколько это вообще было возможно в ее сидячем положении. Еще чуть – и она уткнулась бы лбом в стол.

– И вот вчера вы остались наконец одни, и он тут же сделал тебе предложение, так? – решил он ей немного помочь.

– Так, – кивнула она.

– Что способствовало этому, Маша? – вкрадчиво поинтересовался Лавров, заподозрив неладное. – Ты притащила его к себе, и вы переспали? И он тут же сделал тебе предложение?

– Типа того, – промямлила она. Теперь у нее покраснела и шея. – Переспали. И тут же сделал мне предложение.

– Как порядочный человек он должен жениться, а как же! – Лавров выматерился, шлепнул ладонями по коленкам. – Маш, что могу тебе сказать...

– Что? – Голова не поднималась.

– Ты дура, Маш!

– Да иди ты, – неожиданно беззлобно огрызнулась она и, подняв голову, глянула на Лаврова глазами влюбленной дуры. – Он такой, Саш... Он такой хороший...

Он промолчал. Хотя мог бы напомнить, что нечто подобное он слышал и о первом ее супруге, и о втором. Но он промолчал. Ему вдруг сделалось любопытно. Да так, что ладони зачесались.

А с какой такой блажи Владимир Филиченков запал на его соседку? С той, что она начальница кредитного отдела банка? Что зарплата у нее хорошая, да и так в деньгах нет нужды, родители снабжают? Что жилплощадь у нее завидная – центр города, просторная трешка, не в залоге, между прочим, две лоджии, мебель модная, ремонт дорожный? Поэтому? Или еще какая причина кроется в неожиданном предложении руки и сердца Филиченкова Владимира?

Может, причина в том, что он – Лавров Александр – способствовал поимке и аресту Филиченкова Игната Владимировича? Кем ему приходится юный Владимир, а? Кем?! Не однофамильцем же, не смешите! Это не Иванов с Петровым, это Филиченковы. Таких фамилий одна на тысячу, а то и на сто тысяч...

– Так, ладно, это я понял.

– Что?

– Что он красавец, хорош в постели и благороден, как Айвенго. Дальше-то что?

– Что? – Машка тупела на глазах.

– Что еще ты хочешь о нем узнать, дорогая моя? Что тебя смущает? Ну!

– Понимаешь... – Машкины пальчики сплелись невероятным узором. – Как-то все неправильно с ним, Саш.

– Ух ты! – с невольной радостью вырвалось у него. – Взрослеешь? И что неправильно-то?

– Я спросила его о родителях. А он говорит, что лучше бы он был из детского дома, представляешь? – Ее ротик тронула недоверчивая ухмылка. – Что, мол, семья у него неблагополучная. А одевается лучше нашего управляющего! Часы дорогие. Образование опять же блестящее! Что-то не верится. Что мальчик из неблагополучной семьи мог бы там учиться.

– Молодец! – похвалил Лавров.

И подумал, что, может, не все так плохо, может, и одумается влюбленная коза и остепенится? Перестанет водить под венец каждые два года уродов всяких.

– Потом его зовут Володя, так? Я сама паспорт его смотрела, когда на работу принимала, собеседование было. – Пальчики распустились, разошлись в разные стороны и тут же снова схлестнулись узором замысловатее прежнего. – А недавно ему кто-то позвонил на мобильный, какая-то женщина и отчетливо назвала его Алешей. Я слышала!

– Оп-па! – Лавров накрыл ладонями голову, прищурился на Машку. – Ты спросила у него об этом?

– Нет. Скажет еще, что я подслушиваю! – возмутилась она.

– Но ты же подслушивала, Маш, – хихикнул Саша.

– Нет! Просто так вышло!

– А о чем шел разговор?

– Точно не могу сказать. Звонившая спросила о чем-то, а потом говорит, ну что же ты, Алеша?

Лавров вдруг вспомнил новую хохму: Алексей, мол, это имя, а Алеша уже диагноз. Так что вполне мог кто-то эту хохму пустить в дело при разговоре с Филиченковым.

Но Машку радовать прежде времени не стоило. Пусть попереживает.

– А он что? Что ответил звонившей?

– Он? Он как-то смутился. Съезжился. И сразу предложил мне встретиться у меня без девочек.

– Ух ты! – Ладони сползли с головы на шею, помяли мышцы плеч. – И тебя смущает все это?

– Да, – кратко ответила Машка и устремила несчастный взгляд за окно, где в солнечном свете плавал, как в масле, город. – И сегодня мы собираемся с ним ехать за город.

– Куда конкретно?

– Этого я не знаю, Саш. Просто, сказал, посидим где-нибудь, отметим помолвку, вкусно поедем.

– Ага... Он это... – Лавров потербил основание безымянного пальца на правой руке. – Кольцо-то тебе подарил?

– Сказал, сегодня.

– Ага. Сегодня, стало быть. А что у нас сегодня? – Он глянул на численник, где странички не отрывались со дня его увольнения. Перевел взгляд на Машку. – Правильно. Сегодня у нас воскресенье. Ладно, я понял. Ты хочешь, чтобы я тебя подстраховал.

– В смысле? – снова начала тупить соседка.

– Прокатился за вами, понаблюдал. Так?

– Ну-у, не знаю. – Она махнула русой гривой. Глянула с надеждой. – А ты можешь? Не занят?

Не занят он был. И беситься уже начал от незанятости своей. Даже начали приходить в голову шальные мысли: а не вернуться ли? Бывший начальник тут звонил, просил зайти, поговорить. Бывшие коллеги шепнули, что назад звать его собрался. Раскрываемости, мол, никакой. Кадры так себе идут. Лавров пока ломался, не шел. Но судя по психозу, в каком он просыпался который день, это не за горами.

– Ладно. На какое время назначен ваш выезд за город?

– На пятнадцать ноль-ноль.

Машка робко улыбнулась, поняв, что Саша сдался, он поможет, он не бросит. Не оставит ее один на один с милым симпатичным Володей, в котором даже ей – безмозглой – чудилась какая-то червоточинка.

– Он за мной заедет. И мы...

– Понял. Ладно, иди умывайся. И это... – Лавров проводил ее вихляющуюся едва прикрытую попку осуждающим взглядом. – Надень на себя что-нибудь поприличнее.

– Хорошо, – кивнула Машка, и через мгновение хлопнула входная дверь.

Она ушла.

Лавров рассеянно осмотрел свою аккуратную скромную кухню. Два бежевого цвета шкафа наверху, два внизу, раковина, газовая плита, обеденный стол, стулья, окно без занавесок. Зачем они на третьем этаже, рассуждал он, заполняя кухонное пространство. Перевел взгляд на стул в уголке, где только что сидела Машка. Хорошая девчонка, талантливая, перспективная в своем банковском деле, но такая по жизни наивная. Хорошо, в этот раз ума хватило обратиться к нему за помощью.

В три часа пополудни, значит? Лавров глянул на часы. Половина одиннадцатого. Времени предостаточно, чтобы принять душ, побриться, одеться и сбежать в магазин. Полки его холодильника пора было заполнять.

Лавров вошел в ванную и уставился на свое отражение в зеркале над раковиной.

Хорошей формы череп. Но он точно знал, что если его не брить каждую неделю, то полезет странная мягкая поросль, стоящая дыбом, которая потом начнет закручиваться мелкими кудряшками. Бр-р, с подросткового возраста не терпел своих кудрей. И всегда стриг их как можно короче.

Что еще выдающегося? Высокий лоб, темно-карие красивые глаза, правда взирающие на мир немного мрачновато. Обычный мужской нос, жесткий рот, крепкий подбородок. Среднестатистическая внешность. Таких тысячи. Но Машка утверждает, что он симпатичный и при своих внешних данных давно мог бы найти себе королеву.

Вопрос! Что он с ней станет делать, с королевой той? Прислуживать? Развлекать? Он так не может. Он может обычно, просто, без затей. А королевы так не могут. Им необходимо поклонение.

– Н-да...

Лавров со злостью плеснул горсть воды на свое лицо, взял в руки флакон пены для бритья, потрянул, выдавил. Несколько пышных белых капель с мягким шипением выползли в ладонь, тут же шипение захлебнулось, затихло. Пена кончилась! Как бриться? А морда заросла, да. Он потер колючие щеки, кое-как намылил, поскоблил станком. Почистил зубы. Тюбик зубной пасты пришлось выворачивать спиралью, тоже кирдык, закончилась. Полез под душ, моля бога, чтобы и вода на нем не закончилась.

Как-то не задался день у Лаврова, хоть и плескалось с утра за окном все в солнечном свете, радуя глаз. У него не задался. Кассирша на кассе в супермаркете попыталась обсчитать на шестьдесят копеек. Мелочь, а неприятно. Потом какой-то умник подпер его машину на стоянке перед магазином, и пришлось ждать полчаса, пока этот толстозадый дядя вернется. И ладно бы извинился, обляял еще.

Из машины во дворе собственного дома Лавров вылезал в самом скверном настроении. Машинально отметил, что машина Машки на месте. Балконная дверь распахнута настежь. Занавеску надувает волдырем. Значит, дома. Она всегда закрывала балкон, когда уходила куда-то. Сегодня должна была уйти перья чистить перед свиданием. Это тоже одно из ее правил.

Лавров вытащил из багажника два огромных пакета с покупками, запер машину, сделал шаг и едва не наступил на Игоря Васильевича – старшего по дому.

– Здравсте, – буркнул Лавров и попытался его обойти.

Но не тут-то было! Пожилой мужчина тут же преградил ему путь и пробормотал тихо «здравсте», посматривая то на Сашу, то на какую-то бумагу, зажатую в руке. Так, будто сверял с какими-то нужными ему данными.

– Я вас слушаю. – Лавров удобнее перехватил пакеты. – Проблемы?

– Сэршенно верно, – прошелестел Игорь Васильевич, проглотив несколько букв. – У нас проблемы.

– И в чем суть?

Лавров задрал голову к Машкиному балкону. За раздутой парусом занавеской кто-то мелькал. Хоть бы выглянула и догадалась позвать его. Очень не хотелось общаться с этим въедливым мужиком, вознамерившимся выкрасть у Лаврова часть его воскресного времени. Оно, конечно, не было строго расписано. И свободного времени у него, если честно, теперь было хоть отбавляй. Но! Об этом ведь никто не знал. Никто, кроме самого Лаврова и Машки еще. Ну и бывших коллег, но они по соседству не жили.

– Я слушаю вас, Игорь Васильевич, – поторопил его Лавров, поскольку мужик не торопился, продолжая рассматривать что-то на бумаге.

– Ах да, простите, Ас-н-др Иваныч, – снова глотая слоги, опомнился старший по дому. Протянул ему бумагу, развернув ее так, чтобы Лавров мог смотреть не притрагиваясь. – Вы это видели?

На бумаге было фото мужчины, ниже текст. Обычная ориентировка на преступника. Он таких за время работы видел множество.

– Что это, Игорь Васильевич?

Лавров задрал голову. Машка вышла на балкон в стильных брючках в обтяжку, черном свитере. Слава богу, хоть оделась, тут же подумал Саша. Волосы она уложила великолепной башенкой. Прическа делала ее строгой и неприступной. Ему понравилось.

– Это преступник, – коротко ответил, отвлекая, управдом. – Его подозревают в страшных преступлениях.

– Допустим. Я-то тут при чем?

– Вы бывший сотрудник полиции. Ныне безработный, – удивил его осведомленностью сосед из соседнего подъезда. – То есть ничем не занятый.

– И вы меня желаете занять? – Лавров развеселился, на какое-то время оторвав взгляд от Машки, делающей ему какие-то знаки с балкона.

– Не я желаю. А все мы!

Игорь Васильевич широко растопырил руки, упакованные в такую жару в рукава теплой куртки.

– Все вы, это кто?

– Это общественность! – возмутился и покраснел Игорь Васильевич. Хотя покраснеть он запросто мог и оттого, что зажарился.

– И что же хочет от меня общественность?

Саша насмешливо посматривал с высоты своих почти метр девяносто на тщедушного коротышку.

– Пользы! Пользы, гражданин Лавров! – четко, забыв проглатывать слоги, проговорил мужчина. – Вы – ныне безработный, должны приносить обществу пользу. Вас и так слишком долго не задействовали! Вы никогда не выходили на субботники. Не посадили ни одного дерева. Ни одной кормушки не повесили на деревьях для птиц.

Лавров огляделся. Насчитал четыре кормушки, сотворенные умельцами из пластиковых бутылок. Два скворечника. Но он ни разу не слышал по весне, как поют скворцы!

– И мы вас не беспокоили, понимая, что это не для вас! Это не ваше! Но это вот... – Лист бумаги гневно задрожал перед глазами Лаврова. – Это по вашей части! И вы не должны оставаться безучастным. Тем более что...

Игорь Васильевич неожиданно выдохся или окончательно зажарился на солнце. В теплой куртке, схватился за сердце и дышал какое-то время широко распахнутым ртом, как выброшенная на берег рыбина.

– Тем более что, Игорь Васильевич? – сжалился над мужиком Лавров.

Спешить было больше некуда. За Машкиной спиной на балконе выросла фигура высокого крепыша в светлой водолазке в обтяжку. Фигура протянула две сильные мускулистые руки, обхватила Машку под грудью и увлекла с балкона за занавеску-парус.

– Тем более – что этого преступника видели в нашем районе! – чуть с меньшим нажимом возмутился управдом.

– В самом деле? – поинтересовался Саша.

Но рассеянно поинтересовался, из вежливости скорее. Мысли были сейчас заняты другим. Тем самым крепышом, что позволил себе принародно лапать Машку и тащить ее собственнически с балкона. Может, он ее теперь еще и раздевать станет? Снимет с нее черный свитер и все остальное, растреплет аккуратную строгую прическу и...

– Вы меня не слушаете! – в отчаянии всплеснул руками в толстых рукавах толстой куртки Игорь Васильевич.

– Простите. Отвлекся, – честно признался Саша. – Итак, этого преступника предположительно видели в нашем районе. Я правильно вас понял?

– Не предположительно. А видели! – с нажимом поправил мужчина. – Пошли к участковому. Они обошли почти все квартиры наших трех домов. Пусто! Нигде не проживает человек с такими приметам. И никто его не видел.

– Ну вот видите. – Лавров сделал пробный шаг с автомобильной стоянки. – А говорите, видели. И тут же – никто его не видел. Как понимать?

– А так! – с обидой отозвался мужчина, складывая лист вдвое. – Видела его моя супруга, когда четыре дня назад выгуливала собаку около полуночи. Сявочке приспичило, понимаете? Она и пошла. А этот мужик... На детской площадке, на карусельках сидит и на наш дом посматривает.

– Да ладно! – не поверил Лавров, вспоминая его жену с Сявочкой под мышкой. – Могла и обознаться.

И про себя подумал, что обознаться могла, чтобы в следующий раз Сявочку ночью на улицу не тащить, когда той приспичит. Просто решила безалаберного мужа попугать.

– Она, может, и могла, – не стал спорить управдом. – Но я-то не мог! Я тоже его видел, когда с Сявочкой выходил.

– А-а, понятно...

Лавров прищурился. Стало быть, жену он на вечерних собачьих прогулках все же сменил, так?

– А еще кто видел этого человека? – Саша кивнул на сложенный листок, подрагивающий в перегревшихся руках управдома.

– Никто, – нехотя признался он. – Как это у вас говорится: поквартирный обход ничего не дал. Не выявил.

– Стало быть, видели его только вы и ваша жена? – подвел черту Лавров и широко зашагал к своему подъезду.

Игорь Васильевич семенил рядом, не отставал.

– Стало быть, так, – запыхавшись, пробормотал он.

Потом каким-то невероятным образом обогнал на ступеньках Лаврова. опередив его на мгновение, привалился спиной к подъездной двери и глянул страшными глазами ему прямо в рот, выше не получилось, Саша стоял слишком близко.

– Не думайте, что мы выдумываем, – зашептал он быстро и вдруг начал совать свернутый лист бумаги в один из пакетов с покупками. – Все, чего мы хотим, это обратить ваше внимание! Пробудить в вас бдительность!

– Вы – это ваша жена и вы? – Саша кивком подбородка велел ему убираться с дороги.

– Мы – это общественность, гражданин Лавров! – взвизгнул Игорь Васильевич уже за его спиной.

Саша вошел в подъезд, дверь хлопнула, замочек щелкнул, и стало так тихо, что он чуть не запел от радости. Он всегда пел, когда радовался. Некрасиво, фальшиво и чтобы никто не слышал.

На свой третий этаж пошел пешком. У двери нарочно долго возился с ключами, старательно прислушиваясь к звукам из Машкиной квартиры. Но там было тихо. Очень тихо. Отвратительно тихо! Думать о том, чем вызвана такая тишина, не хотелось.

Он вошел к себе, захлопнул дверь, скинул ботинки и понес пакеты в кухню. Быстро разложил все по полкам холодильника и шкафов. Швырнул на подоконник свернутый лист бумаги, который всучил ему Игорь Васильевич. Скомкал пакеты в комок и сунул в нижний ящик шкафа у окна. Там уже гора была этих шуршащих шариков. Каждый раз, выходя из дома

в магазин, забывал брать с собой. Потом добавлял, вернувшись, к остальным. И почему-то не выбрасывал. Почему?

Саша глянул на часы над обеденным столом, почти половина второго. Успеет пообедать, сварить очередную порцию кофе и отправиться следом за Машкой, на загородную прогулку.

Лавров поставил сковороду на огонь, быстро очистил и нарезал в нее три картофелины размером с его кулак, накрыл крышкой. Нарезал свежих огурцов, колбасы, открыл банку зеленого горошка. Кофейник уже нагревался.

На улицу он вышел в половине третьего. Привычно огляделся. Машкина машина по-прежнему на стоянке. Балконная дверь открыта. Штора отдернута, обнажая черную дыру Машкиной гостиной. Никакого движения в обнажившемся проеме балконной двери.

Лавров вымыл стекла машины, сел за руль, начал полировать панель. Без пяти три они вышли из подъезда. Маша в тех же стильных брючках, черном свитере, с той же строгой прической. То, что она не растрепана и не переодета, Лаврова порадовало. Фигура в обтягивающей водолазке шагала рядом, одной рукой придерживая Марию за талию, второй размахивая с такой интенсивностью, будто решила взбить воздух в крепкую пену.

Не придирайся! – одернул себя Лавров. Она собирается за него замуж. И может прожить с ним долго и счастливо, и даже нарожать ему таких же крепких и мускулистых детишек. И фамилию они все вместе станут носить – Филиченковы. И ничего с этим уже поделать нельзя. Потому что Машка смотрит на этого крепышу с обожанием. А она это умела! В смысле, обожать!

Впившись в лицо крепышу, Лавров не нашел в нем никакого сходства с осужденным на пожизненный срок Игнатом Владимировичем, расстрелявшим в упор его друга более десяти лет назад. Игнат Филиченков был высоким, худым, с узким морщинистым лицом, запавшими серыми глазами, губастым ртом, огромными залысинами. Этот был...

Этот был хорош, со вздохом признал Лавров. Красивое лицо, красивая фигура, мягкие губы, мягкий голубоглазый взгляд, шикарная темноволосая шевелюра. Хорош, стервец. Неудивительно, что у Машки крышу сорвало через девяносто дней знакомства.

Молодые люди подошли к ее машине, расселись. Машка успела подмигнуть Лаврову, когда устраивалась за рулем. Это порадовало. Значит, помнит их уговор. Не одурела окончательно от голубоглазого красавчика.

Со двора они выехали с интервалом в три минуты. Пропустив впереди себя три машины, Лавров прочно держался у них в хвосте до самой «Загородной Станицы».

Имелось у них в городе такое заведение, на любой вкус, на любой кошелек. Тут вам крытый и открытый бассейны, рестораны и кафе, гостиницы и кемпинги, площадки для танцев и закрытые танцзалы, куда частенько приглашали знаменитостей. И теннисный корт даже имелся. Место было посещаемым, и всегда тут бывало многолюдно. Поэтому молодую пару Лавров потерял почти сразу. Пока искал место на стоянке, пока расплачивался с парковщиком, Машка с хахалем своим уже куда-то улизнула. Не обходить же все бары и рестораны по очереди! Их тут десятка полтора. Да и войти и ничего не заказать, Лавров не любил.

Он побродил по красивым аллеям. Постоял у пруда, покормил черствой булкой, купленной там же с лотка, жирных уток. Потом зашел в боулинг, понаблюдал за игрой, выпив пол-литра безалкогольного пива. Вернулся на стоянку. Машина соседки была на месте. Уже неплохо. Значит, отдых продолжается.

Опустив стекло со своей стороны, он откинул сиденье и решил подремать. Минут сорок дремал. Может, больше, как-то не уследил за временем. Потом вдруг вздрогнул от какого-то резкого хлопка и очнулся.

Время катилось к вечеру, солнце умчалось на запад, оставив за собой длинные тени от зданий и деревьев. Машин на стоянке осталось совсем мало. Машкина была все еще в соседнем ряду. Он выбрался из машины, потянулся, прошелся метров десять в одну сторону,

потом назад, разминаясь. Поежилась от неожиданной прохлады, хлынувшей из ближнего леса. Не обманул прогноз. Последний день был солнечный. Завтра холод, потом снег.

Вот тогда узнаете, подумал Лавров с мимолетным раздражением, рассматривая шумное семейство, бредущее к своему внедорожнику.

Мама была высокой и красивой. В нарядном спортивном костюме, кроссовках, белокурые волосы перетянуты спортивной повязкой. Она шла грациозно рядом с папой, улыбаясь его словам, которые он шептал ей на ухо. Папа тоже был высоким, но заурядной внешности, тоже в спортивном костюме, в руках по сумке. Двое детишек – шумных, активных, нарядных. Семья шла к машине, обсуждая меню воскресного ужина. Время от времени они со смехом вспоминали неудачи какого-то Макса на беговой дорожке. Максом оказался один из нарядных детенышей. Принявшись сердито огрызаться, он от них поотстал. Потом, заметив, что Лавров за ними наблюдает, неожиданно показал ему язык. Саша пожал плечами и полез в машину.

Черт с ними, решил он, поднимая стекло и включая печку, чтобы противный озноб не сотрясал тело, делая его слабым. Семейка на отдыхе! Прямо рекламный ролик, а не семейка! А мальчик-то... Мальчик при всей их нарядности и успешности семейной воспитан дурно.

Тут в его окошко коротко стукнули. Он приоткрыл дверь, высунулся наружу, почти не видя в сгустившихся сумерках, кто стоит перед ним, и тут же дикой силы удар обрушился на его обритый череп...

Глава 2

Прежде чем открыть глаза, Лавров подумал, что торопиться ему никуда не нужно. Он не работает нигде. Он уже несколько недель не заводит будильник, щелканье которого ненавидел пуще щелканья затвора пистолетного. Какого же хрена он все время просыпается так рано?! Из дня в день! Каждое утро! Как на дежурство!

Он завожился, устраиваясь поудобнее. Подивился тому, как страшно болит голова. Попытался вспомнить причину, не вышло. Подумал, что вчера, наверное, дико надрался, раз ничего не помнит и так болит башка. Шумно втянул носом воздух, поморщился. Воняло отвратительно. Он что же, мало того что вчера устроил оргию, так еще и устроил ее дома?! И какие-то бабы переговариваются. Точно! Притащил вчера к себе проститутку, надрался с ними, нагадил в квартире, теперь вот как следствие головная боль, вонь.

– Ну что, очнулся?

Голос, больно уткнувшийся ему в висок острым гвоздем, показался знакомым.

– Кажется, нет, – робко шепнула одна из проститутки.

– Очнулся, очнулся, я же вижу, – радостно произнес все тот же знакомый, острый, как гвоздь, голос. – Водички ему подайте, милая.

Где-то забулькала вода. «Милая» хлопочет, сообразил Лавров. Потом на лицо его упало несколько капель живительной влаги, затем вода коснулась губ, он жадно глотнул, раз, другой. И открыл глаза.

Картинка была смутной, плыла и корчилась перед глазами, но «милую» в белом халатике он рассмотрел. И тут же ужаснулся.

Ролевые игры! Они обожрались вчера с кем-то и устроили ролевые игры! И мужик со знакомым голосом тоже в белом. Хотя на роль доктора он ни черта не тянет. Скорее на опера. Пропитого, побитого жизнью, как старая шляпа молью, прокуренного и странно похожего на Женьку Заломова – его бывшего коллегу.

– Ну че, безработный? Доигрался в частного детектива? – съязвил острый Женькин, точно его, голос. – Получил по кумполу?

– Ты-ы?! – протяжно выдохнул Лавров.

– Я-а-а... – передразнил его Заломов и ощерил желтые прокуренные зубы. – Как ты, бродяга?

– Башка трещит. Я где? В больничке, что ли?

Лавров сообразил уже, что девушка в белом халатике с грустным милым лицом никак не может быть проституткой, которую он вчера приволок к себе в дом, чтобы затеять с ней ролевые игры. И Женьке ни к чему в халат рядиться. Он не из таких затейников. Он обычный.

– В больничке, в больничке, – поддакнул Женька, поставил локоток на коленку, подпер подбородок с вчерашней щетиной. – Доставила «неотложка» из «Загородной Станицы». Сначала наши подумали, что запил ты, загулял. И нарвался на какого-нибудь ревнивого мужа или любовника. Потом анализ доктора взяли, нет, говорят, трезв как стеклышко. В машине сидел с пробитым кумполом. Весь в крови... Вещей никаких нет. Значит, никуда уезжать не собирался. Думаю, пасет кого-то наш профи. Правильно я догадался?

– Не совсем. – Лавров попытался приподняться на локтях, но его будто к простыням пришили, тело даже не колыхнулось. Он перепугался. – Я хоть не парализован? Чего-то ноги не двигаются?

– С вами все в порядке, – пискнула девчонка в белом халатике. – Сильное сотрясение, шишка на голове. А так...

– А в остальном, прекрасная маркиза, все хорошо, все хорошо, – пропел прокуренным голосом, сильно смахивающим на голос Утесова, Женька. – Ладно, Саня, ты говори, что помнишь, я запишу, заяву там накатай и...

– Иди ты, Жэка, к черту. – Лавров слабо улыбнулся. – Какая заява? О чем ты? Тебе нужно?

– Мне? – Его палец с желтым ногтем уткнулся в поношенный джемпер. – Мне нет. Начальству нужно. Чтобы, говорит, никому не повадно было на наших сотрудников нападать. Даже на бывших. Так чего?

– А ничего. Упал я. Споткнулся в темноте, упал, – начал сочинять Лавров версию для начальства, оскорбившегося за него. – Еле до машины добрался. Там меня «неотложка» и подобрала.

– Чего метешь-то, Саня? – Женька с радостью захлопнул папку, где собирался записывать показания пострадавшего. – «Неотложки» у нас по автомобильным стоянкам не ездят пострадавших подбирать. Ты мне вот лучше скажи...

– Ты мне вот лучше скажи – где мои шмотки? – Лавров выпростал из-под одеяла голую ступню, повертел ею. – А еще лучше притащи их мне, и мы с тобой домой ко мне поедem. Посидим, как раньше.

– Это бы хорошо... – мечтательно произнес Жэка, почесав заросший кадык. – Только ведь на службе я, брат. Понедельник нонче. Что начальству скажу?

– А скажешь, что пострадавший капризничает. И говорить, скажи, станет только в домашних стенах.

– О! Это вариант! Я всегда говорил, что в твоём лице наш отдел лишился таких мозгов... Таких мозгов!

– Вам нельзя шевелиться! – пискнула «милая» в белом халатике.

Но ее слабый писк потонул в деловитой Женькиной суете, слабых столах пострадавшего Лаврова и оглушительном скрипе пружин больничной койки, это Саша поднялся лишь с пятой попытки. Кое-как выбравшись на улицу, они поймали такси и поехали к Лаврову домой.

– Тачка моя где? – Он потрогал тугую повязку на голове.

– Отогнали ребята. У твоего дома. – Жэка со вздохом инспектировал содержимое своего кошелька. – Денег нет ни черта после выходных.

– Дочка в гости приходила? – догадался Лавров.

– Она самая, – кивнул Заломов.

Как и положено старому оперу, Заломов состоял в разводе. Какая нормальная женщина станет терпеть больше десяти лет постоянное отсутствие мужа дома, его вечные посиделки с пацанами, прокуренный до хрипоты голос, простуженный от чертовой работы взгляд? Если только она не в здравом уме, тогда да, надежда еще может быть. А так...

А так, как и полагалось нормальной здравомыслящей бабе, жена его оставила еще лет пять назад. Ушла, не взяв с собой ничего и плюнув на порог его маленькой квартирki.

«Чтоб тебе, Заломов, пусто было!» – пожелала она напоследок.

Он не возражал. Понимал, что с ним и правда невозможно. Хозяйство велось без него. Дочь росла тоже без него. В постели он...

Да он до нее еле добирался!

С женой они потом практически не общались. Дочка навещала. В последнее время все больше из-за финансовой необходимости.

– Чё, Саня? Может, сразу заехать, взять чего-нить? – Женька покрутил зажатой меж пальцев пятьсотрублевкой.

– Может, и взять. Жратвы у меня полно, – тут же вспомнил он про вчерашний свой поход в магазин. – Так что закуска есть. Меня пускай до подъезда, а ты там сам уж... Что-то башка трещит, Жэка, не по-детски...

Машкиной машины на стоянке перед домом не было. И балконная дверь была закрыта. Значит, на работе стрекоза. Лавров поднялся на третий этаж в лифте. Ноги держали совсем плохо. Открыл дверь, вошел в квартиру и тут же с городского телефона набрал ее рабочий номер.

– Добрый день... – тут же защебетал незнакомый голос, рассказал и про банк, и про отдел, куда Лавров попал.

– Мне Астахову можно?

– Секундочку...

Девица прикрыла трубку ладошкой, но он все равно отчетливо слышал, как она зовет Машку к телефону. И Машкин голос слышал, что-то невнятно отвечающий.

– Простите, а кто ее спрашивает? – спросила щебетунья.

– Лавров.

Саша поморщился от боли в голове. Может, доктора все же ошиблись и ему проломили черепушку? Или занозу какую нападавший оставил в его башке! Огромную такую, острую как гвоздь. Что же так болит-то?

– Да, – ответила Машка сердито. – Саня, ты?

– Я.

– Ты где вообще?

– Сейчас дома.

– А был где?

Машка говорила чужим натянутым казенным голосом. Понятно, при исполнении! Кругом подчиненные. Да еще этот, как его, Володя, где-то рядом.

– Вчера был там, в «Станице», тебя потерял из вида почти сразу. Но не уезжал, решил посидеть, подождать, и...

Он запнулся. Признаться, что получил по башке, как лох последний, было неловко. Он для Машки всегда был героем.

– И что? – прозвучал в ухе допросный Машкин голосок, как ему показалось, зазвеневший дикой обидой.

– И кто-то меня вырубил, Маш, – решил он не врать.

Вдруг ей кто-нибудь уже сообщил? Она с Володией своим вернулась на стоянку, а там происшествие. Могла и узнать. Врать незачем.

– Что значит вырубил! – повысила она голос. Тут же чем-то громыхнула, потом протопала куда-то с трубкой и прошипела со злостью: – Что значит вырубил?!

– По башке меня чем-то огрели. Очнулся в больнице.

Лавров еле стянул с ног туфли, прошел в комнату, прилег на диван, прикрыл глаза. Дневной свет, хоть и не такой яркий, как вчера, делал глазам больно.

– А сейчас ты дома?

– Да.

– А как ты туда попал, Лавров?! – заверещала Машка. – Тебе же наверняка лежать надо!

– Я и лежу. – Он зачем-то похлопал ладонью по дивану.

– В стационаре, Лавров! В стационаре надо лежать! – И она начала ныть и учить, учить и ныть, как это она любила делать, воспитывая его.

– Маш, не ори. Голове больно.

Лавров приоткрыл глаза, услышав суету в прихожей. В комнату сунулась заросшая щетиной Женькина рожа. Рожа довольно улыбалась. Значит, купил то, что хотел. Может, даже сэкономил. И у начальства отпросился. Чего ему еще так светиться-то?

– Саня, так я там похлопочу? – шепнул он.

Лавров согласно кивнул.

– Может, мне отпроситься, Саша? – вдруг предложила Машка.

– Зачем?! – Он не понял.

– Ну... Ухаживать за тобой стану.

– Ага! А потом мне твой мачо еще раз по башке врежет? – пошутил Лавров.

Как оказалось, неудачно.

– Ты так говоришь, будто это он тебя ударил! – возмутилась соседка. – «Еще раз»! Думаешь, что говоришь, Лавров!

– Ну... Извини, – нехотя произнес он, хотя извиняться из-за какого-то хлыща с буграми мышц ему не очень хотелось.

– Ладно, принимается, – шмыгнула Машка носиком. – Чего купить после работы? Пожелания какие-нибудь есть?

– Ничего не надо. Я вчера все купить успел. Да и Женька что-то принес, – прислушался Лавров к активному грохоту с кухни.

– Да знаю я, что может принести твой Женька! – фыркнула Машка почти весело. – Не обожритесь там, господа!

– Ладно тебе, – хмыкнул Лавров и тут же спохватился. – Ты лучше расскажи, как отдых твой вчера? Удастся? Я что-то так быстро вас из вида потерял. Куда вы сквозанули-то, Маш?

– Ох, и не спрашивай. – Она странно хихикнула.

– Что такое? – Ее хихиканье ему не понравилось. Противное какое-то, виноватое, как у опростоволосившейся девчонки.

– Володя заказал отдельный кабинет в одном из ресторанчиков. Кухня шикарная, интерьер тоже. Все началось так красиво. Прекрасное вино. Шампанское. Кстати, он кольцо мне вчера подарил. А потом... – Она неуверенно запнулась.

– А потом? – поторопил ее Лавров, свешивая ноги с дивана.

На пороге комнаты стоял Женька с полотенцем на плече и зазывал его на кухню, размахивая руками.

– А потом я... Я ничего не помню. Напилась. Представляешь! – Она снова противно хихикнула.

– Маша! Маша, как это?! – Лавров неуверенно шагнул, пол комнаты раскачивался под ногами корабельной палубой. – Ты же всегда аккуратно пьешь!

– Всегда. А тут... – Она вздохнула, цыкнула на кого-то, кто сунулся в дверь ее кабинета. – А тут расслабилась, Саня. Сама не помню как!

– Много пила?

– И да, и нет. Но вырубил, представляешь! Володя даже перепугался. Водой мне в лицо плеснул, чтобы разбудить.

– Ты уснула?

– Да, – покачалась она. И тут же заныла. – Так стыдно, Саша! Он мне кольцо подарил, а я как поросенок!

– Так, погоди. – В разбитой голове не складывалось ни единой логической картинки, все как-то глупо громоздилось и насакивало одно на другое. – Но ты же была за рулем! Как ты вообще могла пить?!

– Не знаю, – буркнула она недовольно. – Наваяло. А за руль я не села. Мы на такси возвращались. А сегодня рано утром Володя мне машину перегнал.

– Ты что же, Володю уже и в страховку вписала?! – прошипел Лавров, закатывая глаза.

– Она у меня без ограничения! Не начинай, Лавров. В общем, так... – Она вдохнула, выдохнула, еще и еще раз, а потом подвела черту. – Замуж я за него все равно пойду. Нравится тебе или нет, но пойду. А то, что я вчера напилась... так это от счастья!..

Саша не поленился, сходил в прихожую, положил телефонную трубку на аппарат, чтобы не разбить ее о стену. По дороге в кухню, где уже напевал Жэка, стало быть принял сотовую, завернул в ванную.

– Ну и рожа! – ахнул он своему отражению в зеркале.

Бледные щеки, обметавшиеся губы, голова перебинтована, в центре лба под бинтами угадывалась громадная шишка. Саша выдавил немного зубной пасты на щетку, чуть поерзал ею по зубам, прополоскал рот, умылся, высушил лицо полотенцем и пошел в кухню.

Жэка смастерил незатейливый салатик из огурцов, помидоров, лука и оливкового масла. Нарезал толстыми ломтями сыр и колбасу. Накромсал хлеба. В тарелке оказался только салат. Все остальное валялось на разделочной доске.

Варвар! Холостяк! Старый опер! Какая с него сервировка.

– Что ты как дикарь, Жэка? – проворчал Лавров, перекладывая сыр с колбасой в тарелку. – Ведь не на скамеечке же в парке! – И снова добавил: – Дикарь!

– Че, Машка разозлила? – догадливо подмигнул Заломов и сноровисто налил по стопке. – Слышал, слышал ваш разговор. Че она? Чудит?

– Замуж собралась! – фыркнул Саша, не став врать и отнекиваться. Жэка был своим и многое знал.

– Опять?! – вытаращился Жэка сквозь слезу, пробитую только что опрокинутой рюмкой. – В который раз уже?!

– В третий!

Саша, морщась, выпил. Не потому что хотелось. Потому что верил, что станет лучше.

– Во дура, а! – почти с восхищением выдохнул Заломов, схватил кусок колбасы, закинул в рот. – Вот скажи, Саня, почему все бабы дуры, а?! А Машка твоя особенно!

– Она не моя, – слабо возразил Лавров, привалившись к стене в любимом своем уголке.

– А вот и зря, что не твоя! – Жэка похлопал себя по карманам. – Блин, сигареты купить забыл.

– И хорошо. Нечего у меня тут дымить. – Лавров прислушался к головной боли. Кажется, чуть стихла. – И вообще... Когда здоровьем займешься, Жэка? Ты же молодой еще, по сути, мужик. А выглядишь...

– Ты не моя бывшая жена, чтобы мне нотации читать, – обиделся вдруг Заломов и, не предлагая Лаврову, выпил в одиночестве. Зажевал огурчиком, поморщился, потом проговорил, приложив к груди растопыренные ладони: – Понимаешь, Саня, я такой, какой я есть! Я другим не могу быть! Не могу, понимаешь! Мне комфортно в моей шкуре! Кому-то она не нравится, кого-то не устраивает, дурно пахнет, не стильная, а мне в ней комфортно! Она полностью меня устраивает. А что касемо здоровья...

Лавров вовремя прикрыл свою рюмку ладонью, потому что Жэка частил, наливая еще по одной.

– Что касемо здоровья, Саня... Так что здоровым буду, что болеть стану, помирать мне все равно в мой час. Как он пробьет, так и помру, Саня. Ну, давай за здоровье, что ли, в душу его мать...

Лавров больше пить не стал, обрадовавшись, что боль отступила. И сколько Жэка его ни уговаривал закрепить успех, он не поддался. Ему нужны были трезвые мозги к Машкиному возвращению. У него неожиданно появились к ней вопросы. Нехорошие, неприглядные, которые ей точно не понравятся. Но он все равно их ей задаст.

Как-то все так...

Новый ухажер ее со странной фамилией. Потом этот ее отдых, закончившийся конфузом. Он вот опять же схлопотал. А за что? Он не верил в совпадения. Считал их всегда происками. Чьими? А это пускай они там на небесах разбираются, кто шалить изволит. Просто не верил и все.

Жэка пил почти не пьянея. Рассказывал о последних новостях. С него взял честное слово, что вспомнит все до мелочи, до минуты, что предшествовали нападению на него. Лавров пообещал вспомнить, хотя и не забывал. Он отлично помнил великолепное нарядное семей-

ство, возвращающееся к машине после активно проведенного выходного дня. И мальчишку помнил, который ему язык показал. И он вот оклемается немного и вернется на ту стоянку. И потреплет нервы охраннику. Не мог тот ничего не видеть. Какой он, к черту, тогда охранник?!

А если он не видел, то пацан, подпортивший спортивные показатели своему милому семейству, непременно что-то видел. Лаврова ударили буквально через минуту после того, как мальчишка высунул свой язык. Пацан точно что-то видел. Вычислить их адрес по номеру машины – ерунда. Номер машины скажет охранник. А если не скажет, то...

– О чем ты? – встряхнулся он, когда Жэка повторил свой вопрос.

– Бумага с фото у тебя откуда на подоконнике? – Жэка ткнул пальцем в сторону окна, за которым сегодня все казалось серым и невзрачным.

– Сосед вручил. – Лавров досадливо поморщился, вспомнив прилипчивого Игоря Васильевича.

– Зачем?

– Призывал к бдительности. Сказал, что раз я не работаю больше в органах, то должен работать теперь на него!

– Что, прямо так и сказал? – Женька рассмеялся, подбирая с тарелки последние огурцы из салата.

– Пусть не совсем так. Но решил, что я просто обязан приносить пользу обществу, разыскивая беглых преступников. И вручил мне этот вот листок. – Саня покосился на лист.

– Оpozдал ты, Саня, с розыском-то.

– А я и не торопился, – пожал Лавров плечами. – Поймали?

– Сам попался. Да так, что не выбраться уже никогда. – Жэка вдруг зябко повел плечами, глянул на Лаврова совершенно трезвыми глазами, будто и не опорожнил в одиночку половину бутылки. – Ты что, даже и не смотрел в листок?

– Нет, а кто там? – Он дотянулся до листа бумаги, развернул и замер.

Ему не было нужды читать текст. Достаточно было взглянуть на фотографию. Это невзрачное неприятное лицо забыть было невозможно. Странно, что он его не узнал из рук Игоря Васильевича.

– Ты хочешь сказать, что он сбежал? – Лавров суеверно отшвырнул от себя ориентировку. – Из той тюрьмы не сбегают! Это какая-то... Какая-то туфта, прости, Жэка!

– Сбежал, Саня. Правда, ненадолго. – Жэка с сожалением посмотрел на дно пустой тарелки из-под салата, где в масле плавали три луковых кольца.

– Что значит ненадолго?! Поймали, что ли?

– Конечно! Тут такие силы были брошены на перехват, о-о-о! – Жэка подхватил со стола распечатку, глянул ненавидящими глазами в черно-белый портрет. – Сволочь!

– Как давно это случилось?

– Да почти сразу, как ты ушел.

– А чего мне не сказал?

– Так ты же ушел! – уел его друг.

Жэка свернул лист вчетверо, потом еще и осторожно порвал на мелкие части. Сложил горкой возле своего локтя.

– А поймали когда?

– Не поймали, Саша, а расстреляли! – Мощный палец Жэки с прокуренным желтым ногтем проткнул воздух над его головой. – Эту гадину расстреляли! А точнее, закидали гранатами в лесной сторожке, где он прятался.

– Ну а когда закидали-то?!

– Через три дня после его побега, – не без гордости заявил Заломов.

– А конкретнее?! – скрипнул он зубами.

– Ну-у... Месяц назад точно, как бы не побольше, – наморщил он лоб, пытаясь вспомнить. – Точной даты не могу назвать. Но уже прилично времени прошло.

Мысли у Саши снова стали путаться. Это из-за травмы, решил он. Опять картинка не складывалась. Теперь уже другая.

Как, скажите на милость, Игорь Васильевич мог видеть Игната Филиченкова у них во дворе, если его больше месяца назад расстреляли?! А жена его как могла его увидеть?! Сумасшествие какое-то!

Наверняка сорвали с доски объявлений эту бумагу с кричащим заголовком «розыск». Прочитали, перепугались. И давай примерять эту фоторожу на всякого подозрительного бомжа, что присел в их дворе на скамеечку. Ах нет! На качели! Ну, Игорь Васильевич, ну, блин...

Зря Жэка разорвал эту бумагу. Зря! Он бы завтра этому управдому ее на лоб пришил бы! Чтобы тот воду не мутит и к приличным гражданам не приставал с нелепыми предложениями. А то к бдительности он его призывал, понимаешь!

Жэка посидел еще с полчаса и засобирался.

– Не могу, Саня, начальство точно съест, если я даже к концу дня не явлюсь, – бубнил он, выдавливая зубную пасту из тюбика прямо в рот. – Сам знаешь нашу работу. Днем могу быть где-то. Но утром и вечером будь любезен появиться. Кстати, чего ты решил-то?

– Насчет чего?

Лавров маетно слонялся за Женькиной спиной, он ловил себя на мысли, что не хочет, чтобы тот уходил. Сейчас опять одиночество навалится, тоска задавит.

– Насчет нападения на тебя.

Жэка повернулся к нему с полным ртом белоснежной пены.

– Не было никакого нападения, Жэка. Так самому и скажи.

– Это я понял. Но ты ведь завтра туда поедешь, так? Станешь трясти охранника. Потом будешь искать тех, кто мог что-то видеть. И еще... И еще раз по кумполу схлопочешь. Что же я тебя не знаю, что ли! – фыркнул бывший коллега, разукрашивая каплями зубной пасты темный кафель его ванной. Согнулся над раковиной, бодро прополоскал рот.

– Если что нарою, сообщу, – не стал отнекиваться Лавров.

Они слишком долго служили бок о бок. Они слишком хорошо знали друг друга.

– Как? Не пахнет? – Жэка дыхнул Лаврову прямо в нос смесью запахов водки, лука и зубной пасты.

– Пахнет. Жвачку купи. А еще лучше лимончика пожуй.

– Ага, – кисло улыбнулся Заломов, влезая в свою поношенную куртку и ботинки. – А еще лучше его полностью сожрать, чтобы жизнь малиной не казалась. Ладно, брат, бывай, береги себя. И это... Не подставляйся больше, ладно?

Он ушел. Лавров вернулся в кухню. С брезгливой миной осмотрел следы их посиделок. Переверел взгляд на горку рваных клочков бумаги.

Филиченков сбежал! Нет, ну надо же! Как это ему удалось, интересно?! Из той тюрьмы не убегают. Ему кто-то помогал, ясно. Он сбежал и каким-то неведомым образом добрался до заброшенной сторожки в лесу. Конечно, ему помогали! И этот помощник, видимо, и сдал его, когда его приперли неопровержимыми доказательствами. Потому что в том лесу найти затерявшуюся избушку было невозможно. Тем лесом была непроходимая тайга.

А вообще-то Лавров был даже рад, что все так получилось. Ему всегда неприятны были мысли, что эта гадость где-то живет, пусть даже и в камере пожизненного заключения. Что она дышит, жрет, смотрит телевизор, может, читает книги, газеты, может, даже и улыбается. А Виталика Сухарева нет. Давно нет. И пацаны его, увезенные непутевой Маринкой в неизвестном направлении, совсем одни.

«Не ищи нас, Лавров, не найдешь, – сказала она на прощание. – Ты нас просто достал своей опекой!»

И он не нашел, как ни старался.

«Она могла выйти замуж, и ее муж усыновил пацанов, дал им свою фамилию, – решил тогда Жэка, он тоже помогал в поисках. – Надо искать ее следы, Саня».

Но ее следов тоже не нашлось, Маринка выполнила свое обещание. Он их не нашел.

А Филиченков продолжал жить, жрать, улыбаться, возможно, читать книги и журналы, строить планы. И это отравляло Сане жизнь. Еще и пацаны Виталика затерялись.

Теперь все иначе. Теперь он точно знал, что этой гадины нет на земле и она не дышит, не жрет и не улыбается. Если Заломов сказал, что убит, значит, так оно и есть. Надо будет завтра успокоить этих странных пенсионеров, решивших, что они видели именно Филиченкова на детских качелях в их дворе несколько дней назад.

Но это завтра. Сегодня он даже посуду мыть не станет, завалится спать. И разговор с Машкой подождет. В голове снова стала ворочаться огромная острая заноза, норовя изнутри выколоть ему глаза. Приняв две таблетки аспирина, Лавров, не снимая одежды, завернулся в плед и провалился в сон. Как в глубокую черную яму упал...

Глава 3

– Почему снова я, Ниночка?!

С трудом разлепив веки, Игорь Васильевич уставился на жену, стоящую над ним в одной ночной сорочке с собачьим поводком в руках. Невысокая, ладная, с милым, не торопившимся увядать личиком, Ниночка ему всегда нравилась. И по молодости, и сейчас.

Он не мог точно сказать, что такое любовь. Скорее всего, это выдумка. Красивая, эфемерная, сладко-зефирная манна для поэтов. О чем им еще писать, как не об отчаянно страдающем сердце из-за шелковистых локонов и ярких пухлых губ!

Сам Игорь Васильевич ничего такого не испытывал. У него и с сердцем было все в порядке, когда он смотрел на Ниночку. И в молодости, и сейчас. Но он совершенно точно знал, что она ему очень нравится и что ни на какую другую женщину он ее поменять не хочет. Ни в молодости, ни сейчас.

И спорить с ней не мог из-за этой своей глупой симпатии. И потакал всегда. Баловал!

– Что за произвол?! – неуверенно возмутился Игорь Васильевич, отбрасывая одеяло и усаживаясь на своей кровати в своей спальне.

Они уже лет десять спали с женой в разных спальнях. Встречи, конечно же, случались, в основном на ее территории, но у каждого была своя спальня, своя кровать и свои постельные принадлежности.

– Что за произвол? – вторично поинтересовался Игорь Васильевич, нелюбезно выдергивая из рук супруги собачий поводок.

– Это не произвол, Игореша! Это справедливость, – мягким грудным голосом ответила Ниночка и грациозной походкой, которая ему тоже очень нравилась, удалилась в кухню готовить им обоим завтрак.

Он должен сейчас выгулять Сявочку – мелкого беспородного пса, к которому они с женой привязались, как не все люди к детям привязываются. Потом, после прогулки, он вымоет ему лапы, обсушит специальным полотенцем. Затем должен будет вымыть себя и только потом явится на кухню, где Ниночка уже накроет красиво стол к сытному завтраку. И они станут неторопливо чинно есть из красивой дорогой посуды. После неторопливо уберут вместе со стола, загрузят посудомойку и пойдут смотреть утренние программы по телевизору.

Это традиция. Она им очень нравилась.

Если бы пошла выгуливать собаку Ниночка, то завтрак пришлось бы готовить ему. Это занимало всегда гораздо больше времени, он знал. И получалось не всегда удачно, это он знал тоже. Дневной ритм тогда непременно сбивался и к вечеру они оказывались сердитыми и недовольными друг другом. И на встречу в спальне Ниночки тогда можно было и не рассчитывать.

Да, Ниночка справедливо рассудила, выгуливая пса вечерами, отдавая ему утренние прогулки. Ему очень не хотелось сейчас выходить на улицу, но сделать это придется. Сявочка уже скребет входную дверь и легонько интеллигентно поскуливает.

Игорь Васильевич натянул спортивные штаны, легкий джемпер, поверх – серую ветровку, предназначенную исключительно для собачьих прогулок, обул недорогие кроссовки, на голову надел вязаную шапочку, тоже серенькую, чтобы с курткой сочеталась. Прицепил к ошейнику поводок, намотал его на руку и вопросительно уставился на дверной проем, ведущий в узкий коридор.

Ниночка появилась через мгновение. Милая, румяная, в легком домашнем халатике и переднике, значит, уже хлопочет с завтраком.

– Что у нас сегодня на завтрак? – Игорь Васильевич вымученно улыбнулся.

Его что-то познабливало сегодня. То ли вирусную инфекцию подхватил, отстояв вчера на почте очередь среди чихающих и соплившихся пенсионеров. То ли в форточку надуло, ему вчера лень было вылезать из-под одеяла и прикрывать ее. То ли просто не выспался.

– На завтрак у нас, Игореша, творожный пудинг, омлет с курочкой, овощной салатик, клубничный йогурт, кофе, булочки на кефире, – с удовольствием перечислила Ниночка.

– О, отлично, – хотел было оживиться Игорь Васильевич, но озноб не позволил, заставив поежиться.

– Что-то не так, Игореша? – мгновенно уловила Ниночка, как он зябко повел плечами.

– Да нет, нет, все нормально. Что-то знобит просто. Может, простыл? – Он шагнул к двери. – Ты мне еще, дорогая, чая липового завари, хорошо?

– Хорошо, Игореша, хорошо, – закивала Ниночка, тут же сняла с вешалки большущий шарф и смастерила из него на его шее громоздкую петлю. – Так вот... Так вот будет лучше, а то вся шея наружу. Ну все, идите, любимые мои...

И он вдруг так растрогался этой незамысловатой заботе, что потянулся к жене, прижал крепко-крепко, вдыхая ее запах – запах ароматизированного талька для тела, мыла и увлажняющего крема для лица. Она так пахла всегда и в молодости, и сейчас, и ему это очень нравилось.

– Что это с тобой, милый? – Ниночка обеспокоенно завопилась в его объятиях. – Все хорошо?

– Все отлично, – проговорил Игорь Васильевич и совершенно по-юношески поцеловал жену в засос.

– Ух ты! – воскликнула она, отступая через минуту. – Ты прямо... Прямо молодец еще у меня! Все, все, иди... А то Сявочка заждался...

Они вышли из квартиры, по обычаю не хлопнув дверью, а осторожно ее прикрыв. Был ранний час, и ни к чему было тревожить соседей. Спустились в лифте на первый этаж, вышли на улицу. И тут озноб просто свел ему лопатки.

На улице было отвратительно. Молочно-серый туман аккуратно выстилал весь двор, повисая ледяными каплями на перекладинах турника на спортивной площадке, стекла машин будто покрылись мелкими волдырями, а под ногами неприятно почавкивало, когда они с Сявочкой двинулись на лужайку за детской площадкой.

– Малыш, давай мы сегодня недолго? – попросил собачку хозяин, наклоняясь и отстегивая поводок. – Что-то нехорошо мне.

Сявочка глянул на него умными грустными глазами, тихонько тявкнул, видимо обещая, и тут же умчался в самые дальние кусты сквера.

– Что ты будешь с ним делать! – воскликнул вполголоса Игорь Васильевич. – Сколько раз просил не бегать туда! Ну сколько раз просил...

Дальними кустами сквера венчался глубокий котлован, оставленный когда-то строителями. Строители, видимо, считали, что кустарник способен остановить разрушительные почвенные процессы, а заодно должен был выполнять и эстетические функции. Кустарник разрастется вширь и ввысь, скроет от взгляда глубокую страшную яму, а со временем, может, зарастет и дно.

Но кустарник, как заговоренный, не разрастался. Он торчал на краю хилыми ветвями всего лишь в полметра высотой. И шире со временем не становился, и корни свои категорически не желал пускать в заваленную строительным мусором яму. Сявочка туда бегал крайне редко. Если только там у него случались свидания. Сегодня, что странно, больше собачников не наблюдалось, а собачка туда побежала. И мало того, ее пушистый хвостик тут же исчез в оголившихся ветках, а звонкое потягивание, переросшее в странный восторженный визг, вдруг смолкло.

Игорь Васильевич жутко занервничал и, позабыв о недомогании, потрусил к кустам. Расстояние было приличным. Метров сто пятьдесят, а то и больше!

– Сява! Сява, ко мне! – без конца звал он свое домашнее животное, все ближе и ближе подбираясь к кустарнику. – Ну что же ты! Именно сегодня! Нас с тобой такой знатный завтрак ожидает. Сявочка, малыш!

Собачка молчала. И это сильно нервировало. Она хоть и была беспородным животным, воспитывалась в самых лучших традициях, и за годы, проведенные у своих хозяев, приобрела превосходный характер. И на голос хозяина или хозяйки всегда реагировала. И тем более на команды!

Не случилось бы беды в этом ужасном месте, вдруг подумал Игорь Васильевич, добравшись до кромки сквера и с трудом переводя дыхание. Петля из шарфа на шее мешала, от жесткой шерсти зудела кожа, и он вдруг раздраженно подумал, что Ниночка могла бы и сама выгулять собачку. Вместо того чтобы заматывать его этим жутким шерстяным изделием, мешающим дышать.

Игорь Васильевич осторожно раздвинул кустарник, шагнул раз-другой. Остановился на самом краю ямы, тонувшей в тумане, и снова позвал:

– Сявочка, малыш, ты где?!

Сначала было тихо, но потом, о господи, с самого дна этой страшной ямы послышалось слабое поскуливание.

– Мальчик мой! Как же так?! – переполошился Игорь Васильевич. – Ты что же, сорвался туда?! Давай, давай, выбирайся! Ну!

Снова слабый скулеж Сявы. И мало того, слабый – болезненный!

– Эй, малыш, ты чего там застрял?! Не хочешь же ты сказать, что я стану туда за тобой спускаться? А ну, давай, давай, выбирайся! – не скрывая злости, прикрикнул он на животное.

И снова визг – слабый, болезненный, тоскливый.

Игорь Васильевич занервничал, нашарил очки во внутреннем кармане серой ветровки, нацепил их, пододвинулся еще сантиметров на десять. Носы его недорогих кроссовок уже свисали над пропастью, оставленной строителями много лет назад.

Стоять так ему было очень неудобно. Да и опасно, уж извините! Сорваться вниз можно было запросто. Сява ловкая собачка и то сорвалась. Он рассмотрел светлый комочек в самом низу. Собачка была там, да. Она странно возилась на обломке бетонной плиты, скулила и пыталась выбраться. Но у нее ничего не выходило. Почему? Там почти гладкая площадка. И подъем для нее был несложным. Почему?

Схватившись одной рукой за ветки кустарника, чуть наклонившись вперед, Игорь Васильевич сделал еще крохотный шаг вперед, поставив ступни боком на краю пропасти. Еще сильнее нагнулся и вгляделся в молочную муть, кутающую дно глубокой ямы.

– Сява! – громко позвал он, собачка не шевельнулась и не ответила, и ему вдруг стало страшно. Он громко крикнул снова: – Сява!

И в тот самый момент, когда радостное повизгивание собачки раздалось откуда-то со спины, ноги Игоря Васильевича заскользили, заерзали по влажной земляной кромке. Он попытался выпрямиться, потерял равновесие, ноги его странным образом лишились опоры. Он нечаянно отпустил ветки кустарника, за которые держался, замахал руками и через мгновение полетел головой вниз в клубившийся на самом дне пропасти густой туман...

Когда через полчаса муж не вернулся с прогулки, Ниночка занервничала. Она уже успела накрыть стол к завтраку. Приготовила йогурт, пудинг, омлет с курочкой томился под крышкой глубокого сотейника, с салатом она решила повременить. Она всегда нарезала его, когда Игореша мыл собачке лапы и мылся потом сам. Что проку от заготовленного заранее салата? Ни витаминов, ни вкуса. Так всегда рассуждала Ниночка. Овощи, вымытые и высушенные, вместе с зеленью лежали на разделочной доске. Все остальное было готово или почти готово.

А их все нет и нет. Она несколько раз подходила к окну и выглядывала на улицу. Двор был пуст. Для суетливой беготни соседей было еще очень рано. Туман почти рассеялся, но было пасмурно. Улица казалась необжитой и холодной из ее теплой уютной кухни. А у Игореша озноб случился утром. Чего же он медлит? Почему не идет домой?

И вдруг звоночек в дверь. Вернулись! Ее милые вернулись! Она так обрадовалась, что позабыла выключить огонь под сотейником с курочкой. Опомнилась, когда из кухни в прихожую пополз запах подгоревшего мяса и яиц.

– У меня там... Там, надо... – тыкала она пальчиком в сторону кухни, с нервной рассеянностью рассматривая соседа с первого этажа, который держал их собачку на руках.

– Нина Николаевна, вы меня не поняли? – строго спросил сосед, шагнув в их прихожую. – Ваша собачка носилась по двору одна.

– Она не может носиться, она для этого слишком хорошо воспитана, – пробормотала она. Метнулась в кухню, выключила газ, приподняла крышку сотейника, досадливо поморщилась. Завтрак был испорчен. Игорек ей теперь попеняет.

Игорек...

– Нина Николаевна, – громоздкий мужчина с первого этажа бессовестно топтал ее безукоризненно чистый пол резиновыми сапожищами, войдя следом за ней в кухню. – Нина Николаевна, ваша собачка бегала по двору одна. Где Игорь Васильевич?

– Он... Он, видимо, где-то там... – Она махнула странно обмякшей рукой в сторону окна. – Вы его не видели? Он же был с Сявочкой. Вы вот его забрали, а он ищет теперь!

На последних словах она повысила голос до истеричного звучания. Но тут же опомнилась:

– Извините.

Она внимательно осмотрела лицо громоздкого мужчины. Она не знает, как его зовут, как неприятно! Столько лет живут в одном подъезде, здороваются при встречах, обмениваются замечаниями о погоде и ценах, а она не знает его имени!

Мужчина в растянутых спортивных штанах, болоньевой куртке на голое тело, резиновых сапожищах, в щетине, которую он еще не успел соскоблить с лица, казался заморским чудовищем в ее милой нарядной кухне. По этому чистому полу они с мужем ходили только в домашних тапочках, мягких, пушистых.

Что он тут делает в своих ужасных резиновых сапогах? Почему Сявочка так беспомощно жмется к нему и дрожит?! Где Игореша?!

– Где Игореша?! – проговорила она слабым писклявым голосом. – Вы... Вы его не видели?!

– Я видел в окно, как они с собачкой пошли в сквер. – Сосед с первого этажа странно спрятав от нее глаза, уткнув их в ящики с цветущими орхидеями, которыми был заставлен ее подоконник. – Я как раз выходил со своей собакой. Слышал, как ваш муж зовет Сяву. Потом стало тихо. И... и Сява прибежал оттуда один. А Игоря Васильевича не было. Я поймал Сяву, завел свою собаку домой, вашу вот вам принес. Убежит ведь. На дорогу, под машину, жалко.

– А где Игореша?! – настырно повторила Ниночка вопрос, который пульсировал у нее в висках, в сердце, в легких. – Где мой муж?! Почему он не вернулся из сквера?!

– Я не знаю, Нина Николаевна. Надо вернуться туда, в сквер, и посмотреть.

Он вернул ей свой взгляд, совершенно ей не понравившийся. В нем было столько тревоги, столько невысказанного предчувствия беды, что она заорала на него:

– Не смейте, слышите! Не смейте так... Так смотреть на меня! С ним все хорошо! У него просто озноб и только! Он мог присесть на скамейку и...

Она расплакалась, уткнув лицо в кухонное полотенце.

– Вы не расстраивайтесь раньше времени, Нина Николаевна, может, у него просто сердце прихватило, – уговаривал ее сосед, когда, отпустив собачку на пол, лапы, между прочим,

не помыв, помогал ей надевать плащ на теплой подстежке. – Он присел на скамейке и шевельнуться боится.

– У него здоровое сердце! – возразила она, позволяя соседу вдевать ее ноги в высокие спортивные ботинки, купленные специально для прогулок с собачкой. – У него прекрасное здоровье!

– Не забывайте о его возрасте, Нина Николаевна, – сосед вывел ее из квартиры, проследил за тем, как она запирает дверь, кладет ключ в карман плаща, взял ее под руку и повел к лифту. – Возраст у нас с ним не юношеский. И здоровое сердце может вмиг подвести.

– Он молод и силен, – возразила она слабым голосом, выходя на улицу. – Он так меня поцеловал перед уходом... Так поцеловал... – и неожиданно проговорила со слезами: – Как прощался...

Глава 4

– Спишь, скотина? – прозвучал в трубке несчастный голос Заломова Женьки.

– Сплю, – признался Лавров и приоткрыл глаза. – А который час?

– Восемь утра, между прочим! – оповестил все тем же несчастным голосом старый опер. –

Почти вся страна трудится. А ты спишь... Скотина...

– И ты трудишься?

Лавров открыл глаза шире. Нормально он на дневной свет реагировал. Глаза не резало, на лбу, где красовалась шишка, не щипало, не ныло так, как вчера. Он выздоравливает?

– И я тружусь, – признался Жэка со вздохом. – А ты спишь! Хотя должен, должен, гад такой, трудиться! Жить вот на что собираешься?! Скоро твоим запасам кирдык, и ты станешь милостыню просить. А я тебе не подам, скотина, так и знай!

Если Жэка так ныл, значит, у него ныло внутри все. И это значит, что вчера, после работы, он продолжил то, что начал у Лаврова дома. И с утра еле поднялся. И не успев явиться на службу, был отправлен на выезд, потому и звонит. Потому и бесится.

– Подашь, куда ты денешься. – Лавров протяжно зевнул и тут же охнул.

– Болит? – вкрадчиво поинтересовался Жэка.

– Болит, – признался Саня.

– Вот! А был бы с работой, тебе бы больничный оплатили. А теперь болит совершенно бесплатно. Ладно... – вздохнул с печалью Жэка. – Я чего звоню-то... Нет ничего? Я бы сейчас с радостью...

– В смысле?

Он, конечно, понял, о чем бывший коллега спрашивает. Только не понимал, как это он именно сейчас бы с радостью принял на грудь, если находится на вызове.

– В том самом! – рассвирепел мающийся похмельем Заломов. – Выжрать мне надо, хоть каплю!

– Это я понял. Не понял, как именно? Ты же на вызове.

– Вызов по соседству, – проворчал Заломов. – Сейчас начинаю поквартирный обход, хотя и так все понятно. Но расспросить людишек надо. И к тебе зайду, может, это ты управдома грохнул!

И Заломов заржал, мучительно охая то и дело.

– Какого управдома?! – Лавров насторожился и, невзирая на пульсирующую боль в голове, резко сел на диване. – Ты чего мелешь, Жэка?

– Ничего я не мелю. Игорь Васильевич, ваш управдом, крикнулся. Только что вот увезли на «Скорой». Че, не веришь, что ли? Выгляни в окно, умник.

Пришлось вставать и, преодолевая отвратительное головокружение, тащиться к окну.

В самом деле! Возле сквера машина выездной криминалистической бригады. «Скорая» вырывается со двора. Народ толпится. И Нина Николаевна висит на каком-то мужике, бьется в истерику. Чего ей никто не налил никаких капель, подумал Лавров машинально.

– И чего с ним? Труп криминальный? – спросил он у Жэки.

Он, кстати, его грузную фигуру хорошо рассмотрел. Жэка в своей мешковатой куртке деловито расхаживал возле детской площадки, болтал с ним по телефону, делая вид, что звонок сугубо деловой.

– Да какой там криминальный, – с облегчением выдохнул Жэка, он еще и курил вдобавок, разговаривая с ним. – Собака убежала, он полез за ней в овраг и сорвался с высоты.

– И что? Сорвался и прямо насмерть? – недоверчиво хмыкнул Лавров. – Ноги, руки переломал бы и...

– И руки, Саня, и ноги, и шейку сломал ваш управдом. Но это предварительное заключение наших экспертов. Все потом. Но, думаю, и так все ясно. Следов борьбы нет. Следов на краю склона, кроме его и собачьих, тоже нет. Так что... – И тут же Жэка почти весело добавил: – Но поквартирный опрос я просто обязан сделать. Так что жди, брат! Будешь отвечать на мои вопросы!

Саша отключился. Привычным ощупывающим взглядом осмотрел двор. Все, как всегда. Все на месте. Ничего нового не появилось за ночь. Скорее, убыло! Игоря Васильевича не стало. Осиротела теперь его миловидная супруга. И собачка, всегда вежливо обнюхивающая ботинки Лаврова, тоже осиротела.

Как же так? Он же старый собачник, аккуратный человек, порой даже чрезвычайно аккуратный, он по тротуару шел, каждый шаг выверяя, и так нелепо погибнуть. Сорваться с края ямы! Какой черт его туда понес, интересно?! Он же к аккуратности своей был еще и осторожен весьма и бдителен! Как же так?!

Лавров увидел, как из подъезда вышла Машка. Легко, стремительно, как всегда. Швырнула себе на спину неприбранные волосы, шагнула в сторону стоянки автомобильной и тут же остановилась. Как вкопанная, увидав машины, полицейских и Жэку узнав, конечно же. Медленно подошла к толпе зевак. Посмотрела, послушала, повернула обратно. И тут же наткнулась на опера Заломова. Тот мгновенно схватил Машку за локоток, увлек в сторону и принялся ей что-то рассказывать. Видимо, что-то веселое, раз Машка рассмеялась, запрокидывая голову назад.

Хорошее настроение с утра, с неожиданной злостью подумал Лавров. И тут же вспомнил мускулистого крепыша в обтягивающей водолазке, с которым Машка собиралась обрести очередное свое сомнительное счастье.

Вот не верил ему Лавров! Хотя и знаком с ним не был, не верил и все! Как-то странно все, глупо, не по-настоящему. Филиченков Володя... Кто он такой, черт побери? Как оказался в банке, ведь его папаша – если, конечно, он ему папаша – был осужден на пожизненное?! Куда смотрит служба безопасности банка?! Что, не увидели связи? Решили, что яблочко от яблони укатилось в сторону груши?!

Тут еще Игорь Васильевич в овраг сорвался. Как такое может быть?! А перед этим к нему все приставал, говорил, что во дворе беглый преступник появляется время от времени.

– Скорее всего, брат, это у него того... – Жэка явившийся к нему уже через двадцать минут, покрутил растопыренной пятерней у своей головы. – Старческий маразм начинался. Видишь, чем закончился? Это, Саня... Я налью?

– Хлопочи, – рассеянно отозвался Лавров. И вдруг вспомнил: – О чем с Машкой трепались?

– А? С Машкой-то? Да так, ни о чем, анекдот ей рассказал. С будущим замужеством поздравил.

Жэка уже влез в его холодильник по пояс и гремел там теперь посудой.

– Вот трепло, а! – разозлился Лавров и пнул дверцу холодильника, норовя ударить Жэку. – Кто тебя просит?!

– А че такого-то? Секрет, что ли? – Жэка вылез, потирая ушибленное плечо. – Она довольна была моим поздравлением. Смеялась. Говорит, что счастлива со своим новым парнем.

Он выволок на стол все, что у Лаврова оставалось на полках, что он вчера не успел сожрать. Накромсал снова на доске, с доски и есть начал, быстро выпив пару стопок одну за другой.

– Сопьешься ты, Жэка, – мрачно предрек ему Саня, поставил на огонь медный кофейник, залив в него воды наполовину и насыпав кофе. – Хороший же мужик, умный, а пьешь.

– А может, я от великого ума и пью, – повел в его сторону мгновенно помутневший взгляд Заломов. – Горе, как говорится, от ума! Не зря же говорят!

– Жэка, Жэка... – Саня вздохнул, поболтал ложечкой в кофейнике, дождался, когда пенка снова настырно полезет наружу, и выключил газ. – Зря ты пьешь... А Машка, стало быть, светится от счастья?

– Светится, – кивнул Заломов, хватая с разделочной доски куски хлеба, колбасы и сыра. – А ты ревнуешь?

– Нет. Не ревную. Беспокоюсь, – поправил Лавров, скрипнув зубами.

Накатил себе большую чашку кофе, всыпал сахара, плеснул молочка. Выпил, жмурясь от удовольствия.

– А чего ты за нее беспокоишься? – подергал друг плечами, обтянутыми вчерашним свитером, судя по перышкам от подушки на воротнике и спине, он его даже не снимал на ночь. – У нее все хорошо. На этот раз ее избранник не банковский должник, а банковский служащий. Ее коллега! Это звучит, брат, гордо!

Заломов довольно заржал.

– Ага, ага, – покивал Саня, мелкими глотками попивая кофеек. – А она не сказала тебе, как фамилия ее избранника и коллеги?

– Нет. А зачем?

– А затем, брат, что фамилия ее нового претендента на ее руку и беспечное сердце – Филиченков! Володя Филиченков!

Надо было подождать. Повременить, пока Жэка выпьет. Не сшибать его этой новостью наповал. А то обрушил на него информацию в тот самый момент, когда он активно двигал кадыком, пропихивая очередную стопку водки в себя. Мужик и поперхнулся, и кашлял потом, поводя вокруг себя сумасшедшими вытаращенными глазами. Сане пришлось молотить его по крепкой сутулой спине, воду предлагать. Правда, тот отказался, водкой запил свой кашель.

– Как-как его фамилия, Саня? – отдышавшись, спросил Жэка. – Я не слышался?!

– Нет, брат. Филиченков Владимир. Отчества не знаю. Не спросил. Но подозреваю, что...

– Игнатич! – подытожил, взмахнув крепким указательным пальцем Жэка. – У Игната остались сын и дочь. Сын Владимир, точно знаю. Дочь Анастасия.

– Оп-па! – Лавров замер, потом зачем-то потрогал свою повязку на голове, прикоснулся к шишке, выпирающей из-под бинтов. И сказал с ненавистью: – Сынок, стало быть?

– Не могу гарантировать, – шумно выдохнул Жэка и неожиданно закрутил бутылочное горлышко, убрал водку в холодильник. – Но таких ведь совпадений не бывает, так, Саня?

– Не бывает, Жэка!

– Папочку ты помог посадить на пожизненное. Потом вдруг объявляется его сынок, сватается к твоей соседке, по которой ты давно сохнешь...

– Ты что, дурак? – взорвался мгновенно Лавров и поморщился, громкий крик отозвался болезненным эхом в башке. И затараторил чуть тише: – По ком я сохну-то?! Стал бы я терпеть ее художества, если бы сох по ней, как же! Думай, что говоришь! Я уж лучше на Лерке твоей женюсь, чем на Машке! Сказал тоже...

Жэка помолчал, рассматривая Лаврова, будто видел впервые. Потом мелко захихикал, тыча в него пальцем.

– На Лерке, говоришь? – процедил он сквозь смех. – Думаешь, она умнее Машки? Поверь мне – нет! Та же дура, только черноглазая и без косы. Итак, давай обсудим с тобой этого ново-явленного женишка, Саня...

Обсуждали они часа полтора, а толку-то! По всему выходило, что возле Машки этот Филиченков появился не просто так. А с другой стороны, он не возле нее появился, а в банке, где она работает. Он же не возле подъезда ее подкарауливал с цветами и подарками. Он в ее

отдел устроился работать, подчиняясь, между прочим, ее приказам. И на работу его брала не она, а ее руководство.

– Чушь какая-то! – фыркнул Лавров, постепенно опорожня кофейник. – Вроде все нормально, а чую какой-то злой умысел. Просто нутром чую какой-то подвох. А с другой стороны...

– Машка – девка красивая, фигуристая, она любого с ума сведет. Может, у них эта, как ее, любовь настоящая? – вторил Жэка, успев дать кому-то указание по телефону пробить этого самого Филиченкова.

Никогда не помешает лишняя информация: кто он, откуда, с какой целью прибыл в банк и в дом, к соседке и все такое.

– Может, и настоящая, Жэка, – горячился Лавров. – Только вдруг увидели в нашем дворе Филиченкова-старшего неделю назад супруги Гореловы! Как такое может быть?

– Никак, – равнодушно пожал покатыми плечами Жэка. – Вот этого точно быть никак не может. Мертв он.

– Ага! Филиченков-старший мертв, но его почему-то Гореловы видели. И через неделю после того, как они его видели, один из них погибает. Это как?

Саня снова потрогал шишку на лбу. Ему стало казаться, что она выросла с кокосовый орех, так стало тяжело и больно голове.

– А это никак, Саня. Горелов Игорь Васильевич на краю оврага, предположительно, искал свою собаку и сорвался.

– Или ему кто-то помог! – с горячностью возразил Лавров.

– Ты это... Не начинай мне тут! – прикрикнул на него Жэка, постучав пальцем по столу, как указкой. – Несчастный случай! Я уже с людишками поговорил, никто ничего не видел. Эксперты в один голос – несчастный случай. Повторюсь, никаких следов борьбы, оторванных пуговиц, ничего! Так что ты мне головняка не добавляй, коллега!

– Жэка! Жэка, послушай меня! – Лавров обхватил голову руками, боясь, что она сейчас лопнет. – Неужели ты не находишь странным все это?!

– Что?

Заломов смотрел на него зло и со значением.

Сам ушел, руки умыл, а ему теперь тухлые темы подбрасывает? Совершенно бездоказательные, отвратительные темы! Никто никогда не привяжет работающего в банке Филиченкова к погибшему Горелову! Ему убивать его незачем, парень на пороге великих жизненных перемен. И утверждения оставшейся в живых Гореловой, что они с супругом якобы видели во дворе беглого преступника, сочтут бредом. Потому что беглого преступника убили при задержании. Что еще надо?!

Вот так приблизительно смотрел на него дружище Заломов. И Саня его понимал. И то, в чем ему чувствовался подвох, показалось бы бредом кому угодно. Женькиному начальству тем более.

Саня даже знал, что скажет полковник, рискни Жэка ему доложить о своих опасениях.

«Ты мне тут, Заломов, детективные истории не сочиняй, понимаешь... – И Лев Григорьевич Володин привычно дернул бы шеей, как если бы ему жал воротник. – Тебе работы мало?! Так пожалуйста, загружу!...»

Вот так приблизительно отреагировал бы полковник. И Саня его понимал тоже. Никто не хотел понимать его сердце, тревожно сжимающееся от нехорошего предчувствия. Никому не было дела до его опасения, что подобных совпадений не бывает.

– Ладно, пошел я, – проворчал Жэка, привычно почистив зубы пальцем, выдавив в рот зубной пасты. – Ты только это... Без самостоятельности тут. А то, смотри, Лерку пришло.

– Зачем?! – тут же перепугался Лавров.

Лерка всегда напоминала ему торнадо – опасное, неумолимое, разрушительное.

– Чтобы поухаживала за тобой. И вообще... Я тебя за язык не тянул. Ты сам сказал, что уж лучше на Лерке моей женишься, чем...

– Да иди ты! – поморщился Лавров, сожалея о вырвавшихся у него словах, теперь пристанет.

И Жэка пошел совершать поквартирный опрос, который он, к слову, едва начал до визита к нему.

Лавров прибрал в кухне и снова полез на диван под одеяло. Голова просто разламывалась. Зря он не послушался докторов и молоденькую медсестричку, советующую ему еще пару дней полежать в больничке. Что-то с его башкой не так.

Он уснул мгновенно и увидел странный сон, где Горелов бежал от мужика с оторванной головой. Лавров-то точно знал, что голову мужику оторвало гранатой при задержании, и знал, что бежать мужик не может – он мертв. А он все равно бежал! И догонял бедного Игоря Васильевича. Лавров нервничал и пытался успокоить соседа. Пытался ему крикнуть, чтобы он не бежал в сторону оврага, навстречу своей гибели. Но слова булькали в горле и не вырывались наружу. Лавров нервничал, судорожно открывал и закрывал рот, но вместо слов с языка вдруг начали срываться почти соловьиные трели. Протяжные, залиvistые...

Он дернулся в изнеможении и открыл глаза.

Это не он пел соловьем, это его дверной звонок надрывался.

– Ох, господи, – выдохнул он.

Облизал пересохшие губы, свесил ноги с дивана, заморгал, привыкая к темноте. Он долго проспал. За окном стемнело. И кажется, давно. Черный квадрат за его стеклами поделило ячейками светящихся окон высоток их микрорайона. Охая, Саня поднялся, нащупал выключатель на стене, включил свет. Черный ячеистый квадрат за стеклами сразу отодвинулся, сделавшись почти невидимым. Надо бы купить шторы, вдруг подумал он, впервые ощутив странную незащищенность, как если бы он вдруг оказался на сцене совершенно голым. Хотя он почти голым и был, из одежды на нем сейчас были только короткие шорты.

Лавров пошел, по-стариковски шаркая, в прихожую. Тот, кто терзал его дверной звонок, был настырным. Вряд ли это Машка, подумал Саня, поворачивая головку замка. Она бы смирилась и ушла. Или бы перезвонила на домашний.

Он открыл дверь и едва не ахнул. На пороге стояла Лерка Заломова! В тесных джинсах, заправленных в короткие сапожки на невероятно высоких каблуках, короткой куртке, обнажающей голый пупок, в котором что-то поблескивало, яркий шарф вокруг шеи. В одной руке у Лерки была спортивная сумка, в другой большущий, явно тяжелый пакет.

– Привет! Я зайду? – произнесли невероятно пухлые Леркины губы. – Я зайду...

И зашла. Двинула попойкой, захлопывая дверь, уставилась на Лаврова черными огромными глазами. Губы ее при этом беззвучно шевелились. Может, он оглох? Она что-то говорит ему, а он не слышит! Наверное, он оглох от травмы головы!

Потом только сообразил, что Лерка жует жвачку. Понял, когда она, швырнув сумку и пакет ему под ноги, произнесла со снисходительным вздохом:

– Я поживу у тебя какое-то время.

Тут же понял, что именно она сказала, и похолодел.

– Как это поживешь?! – Лавров привалился к двери туалета, вытаращившись на позднюю гостью. – Что значит поживешь?!

– Поживу – это значит, что стану приходить сюда после универа, уходить отсюда в универ, стану пользоваться твоей посудой, туалетом, ванной комнатой и спальным местом, – «молния» на ее куртке с визгом пошла вниз. – Есть возражения?

– Есть, конечно! – Лавров резко выпрямился, преграждая путь нахалке. – С какой стати?! С чего ты решила, что можешь пожить у меня?!

Лерка даже бровью не повела, стянула с ног короткие сапожки на шпильках, присела перед сумкой, порылась в ней, достала домашние тапочки цвета апельсина, выпрямилась. Роста она была небольшого, а без каблуков едва доставала макушкой Лаврову до подбородка, но смотрела сейчас на него так, будто была выше его на полметра.

– Это не я решила, Лавров, а бабушка, – ответила Лера.

– Что он решил?!

Саня сжал кулаки. Окажись тут сейчас Жэка, он бы ему по горбу врезал точно.

– Сказал, что за тобой надо присматривать – раз. Что ты нуждаешься в уходе – два. И что тут у вас что-то такое намечается, чему должен быть свидетель или независимый эксперт, назови, как хочешь, – отчеканила Лера, уверенно отстранила его и пошла в комнату со словами: – Вещи занеси.

Лавров недоуменно глянул на сумку и пакет и заорал ей в спину:

– Что в сумке, Лера?!

– Мои шмотки. Там немного, не пугайся.

Я вообще-то ненадолго. – Лерка встала на пороге его комнаты, подбоченилась, произнесла с сожалением: – Живешь, как кочевник, Лавров!

– Как хочу, так и живу! – огрызнулся он из прихожей, все еще не решаясь поднять ее вещи. – А в пакете что?

– В пакете жрачка. Что-то купила по дороге. Что-то мать собрала.

– Мать?! Собрала?!

Это был нонсенс! Бывшая Женькина жена Лаврова на дух не переносила. Она его не каждый раз в квартиру пускала, называя собутельником и прощельгой, а тут собрала еды?!

– А что? Не веришь? – Лерка насмешливо глянула на него через плечо.

– Не верю.

Вот чисто из любопытства, больше не из каких других соображений Саня поднял пакет и понес его в кухню. И принялся выкладывать на стол контейнеры, пакеты и пакетики. Апельсины, яблоки, понятно из магазина. Колбаса и сыр оттуда же. А вот салат, котлеты, замороженный суп и фаршированные блинчики – это уже явно домашнее.

Что могло случиться с Женькиной бывшей, что она так расщедрилась?

– Замуж она собралась, Саня, – пояснила полчаса спустя Лерка, перебивая всю его посуду заново, не понравилось ей, видите ли, состояние его тарелок. – Избранник без жилплощади. К отцу мне нельзя, поубиваем точно друг друга. Стало быть, надо меня пристраивать где-то еще. Подслушивала под дверь, когда отец мне твою историю выкладывал. И воодушевилась. Все просто, Саня. Расчет! Грубый расчет движет моей матерью, никаких симпатий, вдруг появившихся на твой счет.

– Ну а я-то тут при чем?! – возмутился Лавров, активно поглощая блинчики с яблоками.

– Ты холост, обременен лишними метрами, хорош собой, не скурвился, работая в органах. К тому же теперь там не работаешь. Мать решила, что у тебя есть шанс стать мне хорошим мужем.

– О господи! – Еда встала у него поперек горла, он закашлялся. И еле выдавил, покраснев от гнева и удушья: – Но я тебя замуж брать не собираюсь, Лера! Я тебя не люблю!

– И я тебя, Лавров. – Она с силой вдарила ему между лопаток, пытаясь избавить от кашля. – И я тебя не люблю. Но мне надо где-то перекантоваться, понимаешь? Где-то, где не грызут мне мозг. И опять же батя попросил присмотреть за тобой.

– Но у меня всего одна комната! – возмутился он, отдышавшись. – Одна!

– Две, Саня. У тебя две комнаты. Просто вторая приспособлена тобою под кладовку. Сегодня уже поздно. – Лерка глянула на громадный циферблат, едва поместившийся на ее узком запястье. – А завтра ее разберем, сделаем косметический ремонт, и я стану ее обжи-

вать. А заодно будем разбираться в странных совпадениях, которые вдруг начали происходить вокруг. Кстати, я тоже не верю в такие совпадения, Лавров.

– А отец?

У него ныла и кружилась голова и от травмы, и от перспективы делить свое жилье с какой-то взбалмошной девицей. На нее не накричишь, не пошлешь, не приструнишь! Жэка тут же таежным медведем на дыбы встанет за дочку.

Дела-а...

– Отцу не положено. Он на службе. – Лерка подергала плечиками в тонкой рубашонке в клеточку. – Если он станет заморачиваться, то надо будет как-то реагировать, действовать. А он права не имеет. Он не может завести дело на Володю Филиченкова только потому, что он сын осужденного на пожизненное. И потому, что он решил жениться на твоей соседке. Он не может пришить к делу слова о беглом преступнике, якобы появившемся в вашем дворе, потому что преступник мертв. И мужик, что самостоятельно сорвался в овраг и сломал себе шею, не является причиной для заведения уголовного дела.

– Грамотно излагаешь, – невольно восхитился Лавров.

– Так я же на юридическом обучаюсь, Саня. Забыл?

Забыл. Конечно, забыл. Обо всем забыл! И совсем забыл, как действовала всегда на него Леркина красота! Вот стоило ее увидеть, пообщаться с ней пару минут, перекинуться несколькими словами, как накатывало. Она его...

Она его раздражала – красота ее! Пугала, раздражала, бесила даже. Каждый раз, когда они пересекались у Женьки, Лавров задавался вопросом: как могла получиться у этого замшелого дядьки с покатою спиной, рябой добродушной рожей, с прокуренными зубами и пальцами и его противной визгливой жены такая девка?! В какой удивительный миг они сумели ее зачать? Кто уснул тогда или отвернулся – бог или дьявол?!

– Так вот отцу не положено. А нам с тобой – да. – Лерка ходила по его кухне с тряпкой, вытирая пыль с дверных ручек, подоконника, перекладин стульев. – Нам с тобой никто не запретит разобраться в этих совпадениях, Лавров. Прямо завтра же и начнем. Кстати, завтра у отца уже будет информация по этому Володе.

– Отец-то тут при чем?

Лавров поймал себя на том, что взгляд его неотступно следует за девушкой, снующей по его аскетичной кухне. И жадно, между прочим, наблюдает – взгляд его, – как изгибается ее поясница, когда она наклоняется с тряпкой к нижнему ящику шкафа, выставив попку, как вытягиваются ее руки к верхним полкам, как появляются и исчезают под рубашкой косточки ее позвоночника.

Черт, черт, черт!!! Этого еще не хватало на его бедную голову! Мало ему испытаний! Жэка, гад, неспроста все это затеял.

– Отец-то тут при чем? – повторил вопрос Лавров, отводя глаза к кухонным стеклам, за которым квадратными леденцами поблескивали чужие окна.

– Отец? – Лерка наконец-то закончила мучительную для него процедуру уборки, швырнула тряпку в раковину, прислонилась к ней попкой. – Отец обещал содействие. По всем вопросам! Ладно, Лавров, ты насытился? Идем устраивать мне ночлег.

Пришлось до глубокой ночи таскать из крохотной комнатки с узким окошком, которую он никогда не считал полноценной и предназначенной для проживания, коробки и всякий хлам. Таскать и складывать в прихожей. Освободилось довольно много места, как сочла Лерка.

– Тут даже есть где кровать поставить, – ткнула она пальчиком в территорию под окошком. – А сегодня придется спать на раскладушке.

Раскладушка нашлась среди коробок. Он о ней и забыл совсем. Только когда нашел, вспомнил, что Женька на ней не раз ночевал в прежние годы.

Лерка час махала веником, гремела шваброй, потом долго скрипела растянутыми пружинами раскладушки. Затихла почти в четыре. Уснула. А он еще полчаса провалялся без сна. Все думал и думал. Как у них срастется с Леркой, совместное их проживание? Чем закончится? Во что выльется? Какую цель преследовал Жэка, позволив дочери тут поселиться?

Саня несколько раз вставал, подходил к окну, смотрел на спящие дома, тонувшие в темноте. На темный двор с детской площадкой, автомобильной стоянкой и сквером, обрывающимся глубоким оврагом, где так нелепо закончил вчерашним ранним утром свою жизнь их управдом – Игорь Васильевич. Случайна его смерть или нет? Как теперь станет жить без него миловидная Нина Николаевна? Они ведь никогда не расставались, никогда...

– ...Мы никогда не расставались, понимаете! Никогда! – Несчастные зареванные глаза Нины Николаевны смотрели то на его лицо, то на белую повязку на лбу. – Так славно жили с Игорешей! Мне мечталось, что мы еще очень долго проживем и тихо отойдем через много лет в собственной постели. А тут это убийство!!!

Лавров поперхнулся глотком чая, который давно остыл в его чашке, но все равно был вкусным и ароматным.

– Нина Николаевна, вы сказали убийство? – уточнил он, осторожно поставил на полированную поверхность белоснежного стола чашку.

– Конечно! – возмущенно откликнулась овдовевшая женщина, привалилась грудью к столу, зашептала: – Вы тоже считаете, как эти полицейские... – последнее слово она не произнесла, продавила сквозь стиснутые зубы, – что мой муж сорвался вниз головой в яму?!

– Я не знаю, – признался Лавров и снова схватил со стола чашку. Прикрываться пузатым дорогим фарфором оказалось удачной идеей.

Нина Николаевна неожиданно поднялась со стула – миниатюрная женщина в черном платье, черных колготках и темных домашних туфлях. Она поправила черную ленточку, перетягивающую ее волосы, и, кивнув непонятно кому, произнесла:

– Я официально заявляю вам, Саша, что моего мужа убили! Он не был беспечным глупцом. И даже из-за Сявы он не стал бы висеть на краю обрыва, хватаясь за кусты!

– Кстати, а где собачка? – спросил Лавров, чтобы не возражать ей.

Эксперты дали заключение с точностью до наоборот, как доложил сегодня утром в телефонном разговоре Жэка. Игорь Васильевич стоял на самом краю оврага, удерживаясь за кусты. Стоял, несколько раз меняя положение своих ног, видимо, устраивался поудобнее.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.